

АЛЕКСАНДР БУБЕННИКОВ

КНЯЖЬЯ ДОЛЯ

• Русь Окаянная •

Русь окаянная

Александр Бубенников

Княжья доля

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бубенников А. Н.

Княжья доля / А. Н. Бубенников — «Эксмо», 2021 — (Русь
окаянная)

ISBN 978-5-04-164463-5

Политическая ситуация в Московском государстве после «Стояния на Угре», боярские заговоры, присоединение Твери, союз Москвы и Крыма против Литвы, помощь Москве от русской и иудейской партий в Литве. Церковная смута и ересь жидовствующих с вольнодумством; начало церковного и династического кризиса; отравление, лжелечение и смерть великого князя Ивана Младого, соправителя Ивана Великого в 1490 г. Конец времен с обрывом церковных пасхалий в 7000 году от сотворения мира (в начале 1490-х от рождества Христова). Военно-походные и «семейные» сюжетные линии русских князей выделяют особенности внутренних русских и внешних русско-литовских, русско-татарских княжеских междоусобиц, а также запутанного клубка московско-литовских и московско-татарских политических взаимоотношений. Серия исторических романов охватывает вековой период истории Руси XV и XVI вв. (1480–1560 гг.) и рассказывает о прорыве Москвы, Третьего Рима, временах правления Василия III, Ивана IV. Романы тематически объединены в единое целое и могут быть весьма интересны и актуальны своими непреходящими историческими и нравственными уроками для современной России начала XXI века. В сюжетные линии романов органично вплетены древнерусские произведения - летописные своды, жития, послания, духовные грамоты, освещающие не только личности князей и преподобных - героев романа, но и тайны русской истории и его великих государей, русского прорыва на Западе и Востоке, создания Великой Империи Ивана Великого и Ивана Грозного. Цикл из шести исторических романов помогут глубже проникнуть в актуальные для нынешнего времени тайны отечественной истории первой Смуты в государстве и душах людей, приоткрыть неизвестные или малоизученные её страницы становления и укрепления русской государственности и

гражданственности, и предназначается для всех интересующихся историей Руси-России.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164463-5

© Бубенников А. Н., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1. После «стояния на Угре»	7
2. Сношения и интриги	17
3. Свадебные подарки хана-союзника	26
4. Венчание Ивана Младого и Елены Волошанки	33
5. Интрига с «византийским приданым»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Бубенников

Княжья доля

© Александр Бубенников, 2022

1. После «стояния на Угре»

Иван Младой, как это часто бывало с юными полководцами во время главного в их жизни противостояния с вражеской силой, пусть без решающего кровопролитного сражения, только после победы русского войска на Угре почувствовал всю неимоверную тяжесть страшного внешнего давления и физического напряжения, измотавшего, испепелившего его душу.

Сын-соправитель знал, что русская победа на заснеженных берегах Угры – это стратегическая победа его отца-государя, задействовавшего какие-то тайные механизмы политики, помешавшие в решительный миг русско-татарского противостояния объединиться войскам хана Ахмата и короля Казимира. Но сын-соправитель твердо знал и верил, что осторожный государь, несмотря на все свои опасения и претензии к своим полководцам, в первую очередь, к нему на линии противостояния, мог быть, в конечном итоге, удовлетворен смелой инициативой и решительной тактикой сдерживания татарских войск на берегах Угры.

Когда победная стратегия и решительная военная тактика соправителей, великих князей, объединились, тогда на ледяной линии Угранского бескровного, по сути, русско-татарского противостояния, пришло время свершения по воле Провидения Русскому прорыву, когда Русь Московская легко и стремительно выбежала из многовекового, позорного ига. Чем дальше бежали татары хана Ахмата от берегов Угры, тем жальче и горестней становились остатки тающего войска, тем в головах и сердцах поработителей утверждались мысли и чувства – игу ханов и «вечной, законной» дани с русских князей пришел конец.

Иван Младой, несмотря на страшную физическую и душевную усталость, был один из немногих русских князей и воевод, кто чуял сердцем пораженческие чувства побежавших от берегов Угры татар, надолго растворившихся в степях и забывших о «своей дани» с покоренных когда-то русских земель. Но он, добрый и верный государю сын, столь же опытный и умудренный в военном деле, как и в придворном, старался по мере возможностей не попадаться на глаза своему отцу. Тем более, с этими уловленными из воздуха чувствами беглецов-татар и своими бойкими словесами о военной удаче, победе московского войска можно было вызвать раздражение осмотрительного, немного боязливого в политических предприятиях отца.

С одной стороны, Иван Младой видел, что военное дело на берегах Угры, в котором он сыграл главную роль, его полководческие усилия, смелая и решительная тактика, – завершены с самым благоприятным итогом для государевой стороны, и что его призвание по тайной материнской воле исполнено полностью. С другой стороны, Ивану требовалось время и силы, чтобы побороть обрушившуюся на юные плечи огромную физическую усталость, смешанную с душевными потрясениями. Необходимость отдыха, собирания распыленных физических и душевных сил была очевидна. Государь, наверное, чувствовал, что происходит с сыном в последнее время, потому и не тревожил его новыми поручениями и хлопотами.

По негласному обоюдному согласию, отец и сын после Угры виделись нечасто. Вот во дворе и пошли слушки и шепотки, что, несмотря на достигнутую, желанную победу, государь не слишком стал жаловать сына-соправителя, мол, «ослушался» тот отца, потянув, будучи полководцем, на себя одеяло – не уступил, не подыграл более опытному соправителю. Иван Младой, конечно, догадывался, о тайных придворных течениях, как, впрочем, и о том, что его роль полководца уже сыграна – и лучше не напоминать о ней – и что даже мнимая власть соправителя в мирные времена уже подвергается сомнению и даже осмеянию супруги государя Софьи, злокозненной мачехи-интриганки

И он, вдруг по воле новых обстоятельств выдернутый надолго из привычного круга военно-государственных обязанностей и хлопот, погрузился в тихую мирную жизнь, отчасти привычную, отчасти уже полузабытую. Военные хлопоты так же быстро отделились от него, со всеми страстями и переживаниями во время решительного противостояния, как когда-

то, всего несколько месяцев тому назад нахлынули, Только вот новые мирные обязанности и заботы не находили юного великого князя, соправителя Русского государства, выбежавшего из ханского ига.

«Наверно, государю требуется время, чтобы отойти от своих гневных речей и распоряжений по поводу моего сумасбродства на линии противостояния... – думал Иван Младой. – Одно дело говорить с глазу на глаз, что его дело осторожная стратегия, а мое дело – смелая тактика по предначертанному предопределению покойной матушки... А другое дело, мнение двора, наговоры мачехи, мол, сын ослушался отца-государя, когда от таких ослушаний престолы качаются и разрушаются...»

Презрительно-почтительное отношение к нему мачехи Софьи Иван Младой угадал по легкой усмешке в уголках её тонких язвительных губ. Во время случайного разговора при нелепой встрече в покоях отца. Сын пришел полюбопытствовать, – нужен или нет он государю, есть или нет государевых распоряжений по его душу? Так и не дошел до государя, столкнувшись нос к носу с мачехой Софьей, только что вернувшейся с детьми из Белоозера.

Надо было попытаться хотя бы из чувства вежливости завязать разговор с Софьей, а от физической и душевной усталости у Ивана язык прилип к небу, и он устало, немного отстраненно разглядывал иконный лик великой княгини, разглядев в углах её губ легкое насмешливое пренебрежение к пасынку-соправителю.

Софья сама прервала легкое замешательство при их случайной встрече и, как бы между прочим, сказала:

– Сейчас не надо тревожить по пустякам государя... Он очень устал, к тому же ему нездоровится от всех напастей...

Иван пожал плечами, хотел улыбнуться своей грустной улыбкой, так всегда выводившей из себя мачеху. Та считала, что только она вправе показывать насмешливо-покровительственное отношение к юному соправителю, а не наоборот. Но только неопределенно махнул рукой вслед ничего не значащим словам:

– Если я буду срочно нужен государю, пусть пошлет за мной – я вмиг буду у него...

– Государь уже призывал тебя... – вспыхнула неожиданно Софья. – Но ты не явился, ослушался его строгого приказа... Он еще с тех пор не отойдет от всего случившегося...

– Я не ослушался... – тихо сказал Иван, подняв усталые глаза на великую княгиню. – Я выполнял его основной приказ – стоять до конца, до упора... Я выстоял...

Мачеха вздрогнула и пророкотала:

– Что ты, князь, хочешь сказать...

– ... Великий князь, – поправил её спокойно Иван, выдерживая из последних сил, чтобы не отвернуться под её напором, насмешливый, злой взгляд с прищуром широко распахнутых зеленых глаз. – А хочу я сказать только то, что сказал. Я выполнял главный приказ моего отца-государя, и я его выполнил...

– Все приказы государя его подданным надо выполнять, – тут же сухо и неприязненно парировала мачеха, – из-за невыполнения его приказа при дворе волнения и слухи начались.

– Волнения и слухи нездоровые опасны при поражении, – усмехнулся Иван, догадываясь, что за вот такие усмешки с глазу на глаз мачеха вправе ненавидеть своего пасынка, только ничего он с собой не мог поделать, и продолжал злить Софью. – А при победе какие там могут быть слухи и волнения придворные... Это всё накипь...

– Плох тот приказ, который нельзя изменить, – назидательно сказала великая княгиня, – вот и государь решил изменить свой приказ. Или ты считаешь, что победителей не судят. Даже победителей, нарушивших новый приказ государя, отменившего старый?..

Иван Младой легко поклонился великой княгине, давая понять, что он не собирается ей возражать при прощании. Только снова напоследок поглядел в её распахнутые глаза и вложил в свои слова всю силу чувств и юной смелости с заметной усмешкой на губах:

– Если победитель татар срочно будет нужен государю, пусть пошлет за мной – за мной не станет.

– Победителем татар называли, насколько я слышана, великого князя Дмитрия Донского, – зябка поежилась Софья, пытаюсь поставить на место своего зарвавшегося пасынка.

– Теперь так за прадедом Дмитрием Ивановичем победителями татар будут называть государя Ивана Великого и его соправителя, великого князя Ивана Младого. – Бросил ей через плечо смелый князь, выходя из покоев отца.

Он догадывался, что его жесткие, но справедливые слова не прибавят любви мачехи к нему. Лишь усилят кипевшие в душе римлянки Софьи, матери маленького претендента на престол Василия, чувства плохо скрываемой ненависти к пасынку и одновременно законному престолонаследнику.

Со времени «стояния на Угре», когда Русь избавилась от ига Орды и власти ханов, когда сделалась, наконец, по воле Провидения свободной и независимой, всё в ней постепенно и чудесным образом образовывалось и преображалось к новому устройству и новой жизни. Имя государя Ивана Великого, а именно так после Угры, с легкой руки его сына-соправителя, стали именовать великого князя Московского во многих, если не во всех землях, гремело повсюду, и было на устах у всех.

Иноземные государи, вершители судеб своих народов, смотрели уже иными глазами на новую Русь Ивана Великого в качестве панацеи от турецкой или польско-литовской экспансии, и искали не просто крепкой долговременной дружбы, но даже близкого семейного родства с её государем. Среди них был венгерский король Матьяш Хуньяди (1443–1490) и молдавский господарь Стефан III Великий (1440–1504). Господарь Стефан, сам когда-то породнившийся с великими князьями Киевскими, после Угры мечтал уже породниться с московским государем Иваном Великим.

С Литвой не было ни войны, ни доброго мира, основанного на безлюбой осторожной политике хрупкого мира-сдерживания; с обеих сторон не доброжелательствовали друг другу, противодействовали, стараясь тайно и явно не допустить усиления противной стороны. Мир, что предлагал королю Казимиру государь Иван, сразу после изгнания хана Ахмата, включал в себя требования возврата исконных русских земель, к югу и западу от Москвы, коими неправомерно некогда завладел коварный великий князь Витовт. Король Литовский Казимир предъявлял претензии на новгородские земли вместе с Великими Луками и даже Новгородом, а также на патронаж земель и городов тех владетелей, которые были искони друзьями Литвы и переплелись семейными узами с литовскими князьями. Островная независимая Тверь, ещё возвышающая свою гордую непокорную главу, не шибко кланявшуюся государю, но всё же оглядывавшуюся на короля, грозила стать новой болью Руси...

Сразу же после «стояния на Угре», в 1481 году в течение буквально нескольких месяцев произошли два плохо отраженными летописцами печальных события. С одной стороны, как бы подведшие черту под русской бескровной победой над Ордой, а с другой, определившие направление политического, династического и религиозного противостояния в новой жизни Руси. В том году король Казимир казнил главного заговорщика князя Михаила Олельковича, к которому вели все нити русской и иудейской антикоролевских партий в Литве. И одновременно скончался духовник Ивана Великого архиепископ ростовский Вассиан, вдохновлявший своими пассионарными посланиями государя Руси на битву с ханом Орды Ахматом. В церковных кругах поговаривали, что так же наставлял и благословлял святитель Сергей Радонежский великого князя Дмитрия Донского, первого «победителя татар» перед Куликовской битвой с Мамаем.

Заговор против короля русской православной партии, во главе которой стоял бывший князь киевский Михаил Олелькович, не позволил Казимиру вовремя пойти на соединение со своим союзником ханом Ахматом, тем более тогда, когда в земли Литовской Подолии вторглось войско Менгли-Гирея, союзника Москвы. Но сразу же после изгнания Ахмата в далёкие волжские улусы политическое противостояние Михаила Олельковича и Казимира подошло к своей критической точке: многие русские православные князья замыслили поддаться государю Ивану вместе со своими крупными уделами в земле Новгород-Северской.

Северские православные князья Михаил Олелькович, Бельский и Ольшанский, правнуки славного Ольгерда, захотели доверительно переговорить с королем Казимиром относительно судеб своих уделов, для чего приехали в Вильну. Но на требование князей пропустить их к королю, наглый королевский стражник не позволил им пройти во дворец и попытался даже захлопнуть дверь перед носом гордых, непреклонных просителей. Когда возмущенный Михаил Олелькович попытался воспрепятствовать действиям стражника и подставил на порог свою ногу, стражник просто прихлопнул стопу тяжелой, массивной дверью княжескую ногу, причинив тому страшные физические мучения. Когда Казимир узнал об этом случае, то тут же осудил на смерть этого стражника, оскорбившего действием и именем короля главного заговорщика.

Однако, несмотря на осуждение своего воина и какое-то сочувствие к потерпевшему князю и всем своим родичам, королевский знак добросердечного уважения к заговорщикам не мог укротить злобы православных северских князей на Казимира. Посчитав себя несносно обиженными, и давно имея огромные претензии к литовскому правительству, за неблагосклонность к православным иноверцам, князья окончательно решили поддаться московскому государю. Король, проведав о новой измене, грозившей Великому Литовскому потерей важнейших уделов, приказал схватить Михаила Олельковича, Ольшанского и Федора Бельского. Двоих первых успели схватить, а Бельский вскоре сумел бежать, оставив в Литве свою юную супругу. Государь Иван, в надежде воспользоваться услугами Бельского против Казимира, принял того с великой милостью и даже дал в отчину городок Демон, взятый во время новгородского похода покойным Михаилом Верейским (младшем брате опального князя Ивана Можайского и родиче двух Иванов Великого и Младого), самым последним удельным князем Руси Московской...

Схваченный за измену королю и открывшийся заговор русской и иудейской партий князь Михаил Олелькович был публично казнён. Весть о казни в Литве бывшего князя киевского быстро разнеслась по всем землям. Горевали в Кремле, где государь Иван Великий и Иван Младой печалились о потере союзника-единоверца, через которого у них были прямые выходы на сочувствовавшие Москве православную и иудейскую партии в Литве. Но ещё сильнее о князе Михаиле Олельковиче кручинились в молдавских землях господаря Стефана Великого: его супруга-красавица приходилась родной сестрой князю Михаилу Верейскому, а юная очаровательная дочь господаря Елена Волошанка – племянницей ему.

Много слёз по несчастному князю Михаилу пролили его молдавские сестра и племянница, помнившие слова казненного брата и дядюшки, сказанные им ещё при жизни господарю Стефану: «Ищи союза вечного, дружбы и родства не у короля иноплеменного, а у государя единоговерного...»

И племянница Елена запомнила странные слова своего дядюшки Михаила: «Душой чую – ехать тебе невестой в Москву к жениху славному и юному, великому князю Ивану Младому... Господь благословит ваш союз душ православных, а вот Судьба – не знаю... Переменчивая она к нам, доверчивым и слабым, попавшим по воле Господа в её сети роковые...»

Смерть знаменитого проповедника Вассиана Рыло, духовника государева и архиепископа, крестившего детей Ивана от Софьи и крепко любившего Ивана Младого за смелость и добрый нрав, была огромной потерей для государя. Среди всех духовных особ того времени преподобный Вассиан выделялся своим красноречием, ярко выраженным чувством справедливости и праведности и неукротимым сильным характером. Митрополит Феодосий не уступал Вассиану в красноречии и логике доказательств, однако всё своё великолепное красноречие и железную логику употребил на доказательство «конца света в последних временах» на излёте семитысячелетия от сотворения мира. А духовник, наоборот, заставил государя поверить, что не к концу света надо готовиться, а к свержению ордынского ига с властью ханов и позорной русской многовековой данью... Потому, следуя примеру святителя Сергия Радонежского, благословившего на битву Дмитрия Донского, преподобный Вассиан Рыло направил «укрепительную, отцовскую» грамоту заколебавшемуся, засомневавшемуся в успехе своего начинания государю Ивану.

Несомненным для государя оказалось не только своевременность послания духовника, но и его откровение... Причём целью откровения было не только стремление выиграть битву на Угре у хана, но, главное, насытить русскую победу нравственным содержанием, подготовить Русь к будущей жизни, к жизни «русского духа» после того, как падет ограничительная ордынская рабская телесная оболочка, когда жизнь духа в новом свободном государственном теле Руси предъявит к «русской душе» гораздо более высокие нравственные требования...

Послание преподобного Вассиана было образцом церковной мудрости и красноречия. Можно только догадываться, из каких слов складывалось тайное благословение святителя Сергия Дмитрию Донскому перед Куликовской битвой, но «укрепительная» грамота Вассиана во имя Русского Прорыва, украшенная множеством цитат из Священного писания и исторических параллелей развития Руси, является ценнейшим документом эпохи Ивана Великого на вершине его славы.

Тем более интересно, что до сих пор не обнаружено подлинной отдельной рукописи «послания Вассиана». А включение его в своды Воскресенской и Никоновской летописей из главного источника – «Повести о нашествии Ахмата» – так или иначе связано с расширенным толкованием «послания Вассиана» ростовскими книжниками, близкими к его архиепископской кафедре.

Но ведь не случайно, что достоверное «послание Вассиана» Ивану Великому, когда его еще так не называли, на Угрю, писаное осенью 1480 года, после скоростижной смерти выдающегося архиепископа, всего через несколько месяцев в 1481 году, несколько раз обновлялось в течение 1492–1498 годов... До финальных трагических аккордов политического, династического и религиозного противостояния на Руси...

В словах тревоги архипастыря Вассиана по поводу мирных переговоров государя и хана в решительный миг «стояния на Угре» русского и татарского войска ростовские книжники и составители официального московского летописного свода увидели мистическое пророчество. Духовник Вассиан на правах принимающего исповедь государя, ведущего «позорные переговоры» с ханом, когда с ним надо драться насмерть, пророчески предупреждал его, что он может в конце концов стать «бегуном и предателем христианским». И, действительно, когда в конце октября ударили сильные морозы, войско государево побежало от Угры к Кременцу. Более того, государь не внял советам преподобного Вассиана и последовал советам «злых дьявольских духов» Мамона и Ощери, из Кременца побежал дальше – к Боровску.

Летописец официального московского свода не опроверг сказания ростовского книжника-летописца, наоборот, целиком принял и дополнил их. Впервые в русской истории московский летописец назвал имя корыстолюбивого «предателя» – сына боярского богатея Григория Мамона, устами которого сам дьявол повелел государю бежать от татарского войска Ахмата. Таково было торжество «злого дьявольского духа», что русское войско государя побежало от

замерзшей Угры к Кременцу за 50 верст и далее к Боровску, не зная даже о том, что «преследующее» его татарское войско побежало в другую сторону – в Литву.

И, как апофеоз русской мистики официального московского летописного свода: неизвестно, чем бы закончилась дьявольщина, учиненная «злым духом» предателя Мамона и слабой волей «бегуна и предателя христианского» – государя Ивана, если бы в это святое для Руси дело не «вмешалась Пречистая Богородица». Развела навечно Богоматерь русских и татар: одних, думающих, что за ними гонятся татары, заставила отступать на север; а «одержимых страхом» татар обратила в противоположную южную сторону. «И бе дивно тогда совершился Пречистыя чудо: едини от других бежаху и никто не женяше...»

Официальный московский летописец конца 15 века имел более чем веские причины по случаю избавления Руси от татарского ига после «стояния на Угре» сложить панегирик в честь Ивана Великого. Однако вместо этого ограничился язвительной филиппикой в адрес государя Ивана, бросив тень на поведение монарха – «бегуна и предателя христианского». И постарался выставить истинным народным любимцем героем над Золотой Ордой и её ханом Ахматом соправителя государства и наследника престола, великого князя Ивана Младого. Не исключено, что это единственный случай в истории московского официального летописания, когда обличения по поводу предательства христианского и трусости монарха в момент великой долгожданной победы Русского государства попали на страницы официальной летописи – на радость и уроки грядущим поколениям! Ведь всё равно государь Иван Васильевич вошел в историю русскую и мировую с именем Ивана Великого – со всеми его победами, прорывами, отступлениями и сомнениями с колебаниями.

Примечательно следующее: официальная летопись велась в великокняжеской канцелярии при деятельном участии митрополичьей кафедры. Летописные панегирики Ивану Младому и филиппики по поводу «трусливого» поведения Ивана Васильевича без сомнения отражали острую династическую борьбу в Русском государстве. Ведь была старшая «тверская» ветвь династии в лице героя Ивана Младого, считавшаяся до поры-до времени законной наследницей престола. Параллельно с ней существовала и младшая «византийская» ветвь римлянки Софьи, домогавшейся престола для своего малолетнего сына Василия.

Претензии «незаконной, византийской» ветви на трон в то время явно заслуживали осуждения. Точнее всего отношение русского общества к «римлянке» Софье, побежавшей с казной и детьми на Белоозеро и дальше на север, выразил ростовский летописец, близкий к архиепископской кафедре Вассиана сразу же после смерти последнего. Едкими словами о незабываемой эпохе «угорщины» летописец отказал в греческом начале Софье, выставив её в обличье латинском «трусливой римлянке»:

«Тоя же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегали на Белоозеро от татар, и не гонял никто, и по которым странам ходили (через Ростов на Белоозеро и в северные земли) тем пуще стало татар и боярских холопов, от кровопивцев крестьянских»

Словно в укор струсившим отцу и мачехе-«бегунам» летописцы восхваляли героизм и непреклонность юного сына-соправителя: Иван Младой «мужество показал, брань приял от отца и не ехал от берега, а христьянства не выда...» – и это тогда, когда государь в страхе приказал воеводам насильно препроводить наследника с границы противостояния с ханом Ахматом в Москву. Более того, утверждалось, что только после настояния Ивана Младого его отец принял главное решение в его жизни повести русские войска к Угре.

В связи с зубодробительной летописной критикой государя, безнаказанных попытках скомпрометировать Ивана Васильевича в момент его наивысшего величия; даже при имени «Великом», легко сделать вывод о невысоком авторитете монарха, а также о кризисе власти и раздоре между великим князем и церковной верхушкой, поскольку ярко и выпукло представлено недовольство главой государства некими слоями русского общества и церкви.

Нет сомнений в том, что Вассиан достоверно писал осенью 1480 года государю Ивану Васильевичу. Однако зубодробительная летописная критика и компрометация государя, исходящая от некого, пока невидимого – к началу 1480-х годов – слоя общества и церковных иерархов – показавшего своё подлинное лицо к 1495–1498 годам во время династического и церковного кризиса – позволяет утверждать следующее. Бесспорно, была «укрепительная» грамота преподобного Вассиана государю Ивану осенью 1480 года. Однако её первоначальный текст – до сих пор не обнаруженный, но переименованный для последующих вставок во многие поздние летописи – был заменён в значительной части к 1495–1498 годам (и позже) другим текстом, более похожим на политический памфлет и не менее жесткий призыв определиться с выбором государственного и церковного устройства русского общества.

Что здесь имеется в виду? Чуть ли не впервые в русской истории в «укрепительной» грамоте освещаются корни христианской веры, развившиеся из иудейской религии. Причём имеется откровенный намёк на то, что иудаизм, как истинная предтеча христианства, не стал мировой религией только потому, что положения иудейской веры замыкались в рамках только одной в рамках одной иудейской национальности; вот если бы возродить «новый Израиль на земле Русской» сразу после освобождения Руси от ига Орды с помощью иудейской партии в Литве и в натравливании хана Менгли-Гирея против Казимира!.. Потому и любопытно приглядеться к более поздним по времени фрагментам «укрепительной» грамоты Вассиана 1480 года – «зри в корень».

Христианство, вышедшее из недр иудаизма, принципиально отбросило коронную идею о «богоизбранном народе» и в результате стало самой распространенной религией мира.

Однако чрезмерное властолюбие и вопиющее неподчинение решениям Вселенских и Поместных соборов стали главной причиной отделения латинской церкви от греческой (православной). Годом окончательного разделения христианской церкви на католическую и православную считается 1054 год, когда кардинал Гумберт положил на престол храма Святой Софии в Константинополе послание папы Льва IV, содержащее акт отлучения патриарха всей греческой церкви и предававшее проклятию всех несогласных с римской церковью. В ответ патриарх Михаил Керулларий созвал в Константинополе собор греческой церкви, на котором посланники папы были отлучены от христианской церкви.

(Весьма примечательно, что обоюдное отлучение от христианства двумя ветвями церкви, греческой и латинской, длилось целых 911 лет, до 7 декабря 1965 года, когда это отлучение было отменено римским папой Павлом и константинопольским патриархом Афиногором).

Православная Русь, отказавшаяся от Флорентийской хартии и союза с римским папой, освобождалась от «фараонского» ига Орды с очевидной помощью политических интриг иудеев, к которым обратился лично государь Иван Великий, чтобы найти противоядие и от короля Казимира и от хана Ахмата. Влиянию иудеев был в интересах Москвы подвержен и лидер русской анти-королевской партии в Литве князь Михаил Олелькович, и хан Крымской орды Менгли-Гирей, вторгшийся к моменту решительного Угранского противостояния в Литовскую Подолию, дабы воспрепятствовать соединению войск Казимира и Ахмата против Ивана III.

Поэтому весьма знаковыми являются фрагменты благословения государя на борьбу с ханом-фараоном от лица преподобного Вассиана, вставленные в его «укрепительную грамоту» религиозными вольнодумцами, с призывами возрождения «нового Израиля на земле Русской» сразу после освобождения Руси от ига фараона.

«...мы все благословляем тебя на Ахмата, не царя, но разбойника и богоборца. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его. По какому святому закону ты, государь православный, обязан уважать сего злочестивого самозванца, который силою поработил наших отцов за их малодушие и воцарился, не будучи ни царем, ни племени царского? То было действие гнева Небесного; но Бог есть отец чадолюбивый: наказует и милует;

древле потопил фараона и спас Израиля: спасёт и народ твой, и тебя, когда покаянием очистишь своё сердце: ибо ты человек и грешен. Покаяние государя есть искренний обет блюсти правду в судах, любить народ, не употреблять насилия, оказывать милость виновным... Тогда Бог восставит нам тебя, государя, яко древле Моисея, Иисуса и других, освободивших Израиля, да и новый Израиль, земля Русская, освободится тобою от нечестивого Ахмата, нового фараона: Ангелы снидут с небес в помощь твою; Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы и одолеет врагов, и смятутся, и погибнут...»

Израиль – в библейской мифологии Старого завета второе имя Иакова, младшего из двух сыновей-близнецов Исаака и Ревеки. Израиль (Иаков) откупил у старшего сына Исава право первородства за чечевичную похлебку, а потом проявленным лукавством и хитростью получил благословение как первородный сын.

Странный двусмысленный призыв к обретению Русью нового Израиля, с использованием исторической параллели, когда Бог потопил фараона-хана и спас Израиля, как-то косвенно сплетается с темой борьбы за «первородство» (то есть московский трон) старшей тверской династии Ивана Младого и младшей византийской династии Софьи с её сыном Василием.

Только невероятно дешево, всего за чечевичную похлебку, достанется трон и лукавое первородство младшему сыну государя Василию, да дорогой ценой загубленных жизней – из старшей династической ветви Ивана Младого...

Моисей в библейской мифологии Старого завета, предводитель израильских иудейских племён, призванный Господом (богом Яхве) вывести израильтян из египетского фараонского рабства сквозь расступившиеся воды «Чермного» (Красного) моря на землю Обетованную. На горе Синае бог Яхве дал Моисею, подошедшему к кусту, горящему и несгорающему и преклонившему перед ним колени, каменные скрижали с «десятью заповедями».

Пророк Моисей вывел иудеев из египетского фараонского плена и в течение сорока лет всей своей остальной жизни вёл свой народ через Аравийскую пустыню в землю Обетованную, обещанную Богом; в течение сорока лет Моисей получал Божественные откровения – нравственные законы, распоряжения о религиозных обрядах и богослужебные правила, пророчества о будущем народа. Обещания Бога, условия Завета Моисей вписал в книги, которые впоследствии составили Тору, которая была канонизирована около 444 года до н. э. Иван Великий властвовал сорок три с половиной года; судьба предоставила ему возможность и право избавить Русь от ига «фараона-хана», и он воспользовался этим. Судьба предоставила ему возможность и право выбрать путь «нового православного Израиля», не только для богоизбранного народа, а для всех народов, исповедующих греческую веру, или «Москвы-Третьего Рима». Не исключено, что путь нового православного Израиля мог бы быть реализован на пути царствования старшей династической ветви Ивана Младого и Дмитрия-внука... Но Судьбе было угодно, что восторжествовал путь к Москве – третьему Риму младшей династической «византийской» ветви...

Даже в летописном благословении государя митрополитом Геронтием, осенившего его крестом третьего октября 1480 года перед «стоянием на Угре», проскальзывают неожиданные исторические нотки обращения к опыту борьбы за независимость иудеев и греков в лице их властителей Давида и Константина: «...Бог да сохранит твоё царство и даст тебе победу, якоже древле Давиду и Константину!..»

Просматривается призыв не только использовать исторический опыт борьбы древних иудеев и их царя Давида, победителя Голиафа, и римского императора Константина, приверженца христианства и основателя Византии и Константинополя. Но также и объединить корни христианства, иудейской религии, и православия в новом государственном и религиозном укладе Русского государства.

Для кого-то из московских вольнодумцев, таких как ученик протоирея Успенского кремлевского собора Алексея – «Авраама», государева дьяка Федора Курицына, соединение христианского православия, корневой иудейской религии и религиозного вольнодумства составляло суть богословских исканий и вело к «обновленчеству» православной религии после рабства у хана-фараона. Для кого-то, таких, как новгородский архиепископ Геннадий, лелеющих мысли о возможности сотрудничества с латинянами в работе над древними священными книгами, религиозное вольнодумство, замешанное на корневой иудейской вере с обновленным православием, так или иначе возбранялось как ереси, с истоками «ереси жидовствующих» Захария (Съхарии), Алексея-«Авраама», Дионисия.

Среди московских высокопоставленных вольнодумцев и еретиков жидовствующих самой заметной фигурой был Федор Курицын, приближенный государя и один из блестящих и образованных руководителей русской дипломатической школы, созданной сразу после «стояния на Угре». Как лидер – вместе с протоиреем Алексеем-«Авраамом» – московского кружка религиозных реформаторов, Курицын резко критиковал ортодоксальное монашество и развивал мысль о свободе воли или «самовластии души» человека, которому знания, образование, развитый интеллект давали истинную свободу творить свою судьбу вместе с Господом. Ибо только свободный человек узнаёт, где добродетель и где порок, где высокая истина и где низкое невежество, где всевышняя воля и где жалкая доля.

Не хотели мириться с жалкой рабской долей ига хана-фараона и ортодоксов-монахов, якобы подверженных дремучему невежеству да беспробудному пьянству, еретики «жидовствующие» и вольнолюбивые религиозные реформаторы. Хотя и догадывались, что преданность Богу пророков проявляется в полной покорности его воле – «Божьей доле». И вся жизнь, судьба пророков есть пример покорности воли Господа и обретения «Божьей доли». Тот же праведник Ной, спасшийся вместе семьёй на построенном ковчеге во время всемирного потопа, беспрекословно выполнял все повеления Бога и строил ковчег, нисколько не сомневаясь в целесообразности предназначения. Авраам, кумир еретика протоирея Алексея-«Авраама», следуя велению Бога Яхве, оставил свою родину и без колебания собирался принести в жертву своего единственного сына, но в момент жертвоприношения был остановлен ангелом. Моисей всю свою жизнь посвятил тому, чтобы по велению Бога Яхве донести слова и закон Бога народу...

Но в чём же главная причина измена человека и народа Богу? Прежде всего, она заключена в свободе воли человека, в его «самовластии души», за что ратовал образованный вольнодумец, государев дьяк Курицын.

Именно дьяка Курицына послал государь в 1482 году к венгерскому королю и молдавскому господарю для заключения мирных договоров и военных союзов с условием воевать против короля Казимира. А расположенные к мирному, дружественному союзу государь Иван и господарь Стефан вздумают вскоре утвердить и семейственный союз через невесту Елену и жениха Ивана Младого, определяя «княжью долю» последнего...

Размышлял умнейший вольнодумец, государев дьяк о «божьей доле» и «княжьей доле», о «божьей воле» и «княжьей воле» в переломные времена «стояния на Угре» 1480 года, скорой женитьбы Ивана Младого, предчувствуя разгар династического кризиса и его трагического разрешения на стыке веков.

«... Человек изначально был создан Господом как существо свободное и вольнолюбивое, и союз, заключенный Господом с отдельным человеком и всем народом предполагал сохранение свободы выбора – принять Бога и поклоняться Ему или отвергнуть Его. – Знал на память иудейскую мудрость Торы дьяк-вольнодумец от своего учителя и соратника Алексия-«Авраама» цитату Торы Его уст, по преданию Моисея. – «Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие твое».

У истоков любви Ивана Младого и Елены Молдавской, их скорого венчания в Москве размышлял дьяк-вольнодумец о любви Бога к человеку и сути, смысле человеческой любви:

«Любовь Бога к человеку так велика, что он не может принуждать, не может бездарно насиловать, так как истинной любви без уважения. Бог хочет от человека взаимной любви, но ни человек, ни в массе своей народ не созрел для ответной любви к Богу. Недаром устами одного из пророков Бог Яхве назвал народ иудейский «жестоковыйным» за его упрямство, чувство самости. Поэтому выход для иудеев в иудейской религии был всего один – требование послушания человека и народа... Иудаизм, как бесспорная предтеча христианства требует обновления, реформации. В Иудейской религии приближение человека к Богу шло по внешней направляющей – путем строжайшего соблюдения божественного закона... Но требование послушания важны, но недостаточны и даже противны русской душе... Любовь как основа взаимоотношения Бога и человека должна стать новым этапом в развитии религии и Любовь осуществилась в христианстве... Но так ли осуществилась Любовь Бога и человека без самовластия души, без свободы человеческой воли?..»

«Божья доля» освобожденной Руси святой от ига хана-фараона и «княжья доля» человека – Ивана Младого и других «после стояния на Угре» и обретения свободы и независимости Руси, «воли русского духа»... Могли ли связаться воедино «Божья доля» Руси и её государя Ивана Великого и «княжья доля его сына-соправителя Ивана Младого – кто знает?..»

2. Сношения и интриги

При венгерском дворе короля Матфея громко говорили о странном бегстве хана Ахмата от замерзшей Угры в литовские земли, терзаемые к тому же союзником государя Ивана крымским ханом Менгли-Гиреем. На устах всего венгерского двора было одно: союз Москвы и Крыма против Литвы был выгоден Матфею, ярому врагу короля Казимира.

После распада Галицко-Волынского княжества, пограничного с Венгрией, и вхождения его в состав Литвы, венгерское королевство не имело практически никаких отношений с русскими княжествами, попавшими в зависимость от Орды. Но при бурных событиях начала 1480-х годов, прослышав о обретении долгожданной независимости Москвы и союзнических военных обязательствах Ивана Васильевича и Менгли-Гирея против неприятеля Венгрии Казимира, король Матфей в поисках дружбы с великим князем Иваном послал в Москву своего высокопоставленного чиновника Яна для утверждения мирного договора между государствами.

Ведь мир на окраинах Восточной Европы стремительно менялся после «стояния на Угре» 1480 года и обретения независимости Руси Московской Ивана Великого. Эти изменения уже коснулись Литвы и Польши короля Казимира, поскольку его земли терзали войска крымского хана Менгли-Гирея, стратегического союзника и Руси, и Турции. И те страны и земли балканского региона и Восточной Европы, которые не поспевали за новыми политическими изменениями, могли оказаться разменной картой в запутанных политических интригах между королём Польши и Литвы Казимиром, с одной стороны, турецким султаном и ханом Менгли-Гиреем, с другой. К таким странам, бесспорно относились Венгрия короля Матфея и Молдавия господаря Стефана.

Дипломатическая миссия в Москву в начале 1482 года венгерского королевского посланника Яна была далеко не случайной. Короля Матфея напугали военные приготовления Казимира и его активные поиски мира с крымским ханом Менгли-Гиреем, вассалом турецкого султана. Король Матфей был союзником господаря Стефана в многолетней борьбе против турецкого султана. Переход на сторону короля Казимира, старого неприятеля Венгрии, воинственного хана Менгли-Гирея мог привести к необратимым ужасным последствиям для Венгрии, да и для Молдавии тоже.

А поводов для беспокойства относительно своей государственной безопасности у короля Матфея было предостаточно. И главным из них был подкуп королём Казимиром одного влиятельного беспринципного крымского вельможи Именека, склонившего своего хана Менгли-Гирея в конце 1481 – начале 1482 года к тайному союзу между Крымской Ордой и Великим княжеством Литовским.

На союз Казимира и Менгли-Гирея, причём за спиной московского государя, и открыли глаза Ивану Васильевичу венгерский королевский посол Ян и боярин Мамон. Боярин получил достоверные сведения о тайном союзе короля и хана от представителей ушедшей в глубокое подполье иудейской партии в Литве, уже после разгрома русской партии Михаила Олельковича, а также от тайного советника крымского хана Моисея.

На удар в спину со стороны Менгли-Гирея надо было срочно реагировать, потому что тайное через какое-то время могло стать явным. Сам хан Менгли-Гирей затаился и не давал знать союзнику Ивану Васильевичу о своих сношениях с королём. Это могло быть истолковано в Москве, что хан не готов к военным действиям на стороне короля Казимира и готов ограничиться лишь моральной поддержкой последнего, сосредоточившего после казни Михаила Олельковича к началу 1482 года в Смоленске, на острие атаки против Москвы, свыше десяти тысяч вооруженных до зубов воинов.

«Не зря мне Моисей тайны такие доверил, чтобы я предупредил Ивана Васильевича о новой политической интриге, – обдумывал Мамон, – прежде чем заявиться к государю... Надобно и боярскую Думу подключить, Патрикеева, в первую очередь... Держит на меня зуб государь за то, что отговаривал его от решительных действий на Угре против хана Ахмата... А тут новые извивы политики – без Патрикеева, первого думного боярина, да без дьяка государева не обойтись... Впрочем, и умный иудей Моисей также советовал воспользоваться помощью и близкими дружескими отношениями с Патрикеевым и Курицыным... Вот и Моисеевы советы с моими мыслями совпали – значит, тому и быть... Посла Яна надобно дьяку и первому думному боярину представить... Спешить надобно, только осторожно и умно спешить – и людей не смешить при этом».

Посол Ян попросил давно знакомого с ним Мамона познакомить его с государевым дьяком Курицыным, ведавшими иностранными делами государя, рассказать поподробнее о первом думном боярине Иване Патрикееве, через которого ему те советовали выходить на государя, как бы уже с готовым обдуманым решением боярской Думы. Мамон решился убажить рассказом посла о первом боярине и дал понять, что о дьяке расскажет после.

Узнал любознательный посол Ян, что родоначальником славного рода Патрикеевых был всем известный Патрикий Наримонтович, князь пинский, внук великого князя литовского Гедимина. Узнал, что при великом князе Василии Дмитриевиче отъехали ил Литвы и перешли на службу в Москву два сына князя Патрикия: старший, Федор, стал называться Хованским, а младший, Юрий – князем Патрикеевым. Юрий Патрикеев женился на дочери великого князя Василия, а племянницу свою, дочь третьего брата Александра, выдал за брата великого князя, князя Андрея Дмитриевича Можайского. Сын Юрия Патрикеева, князь Иван Юрьевич, стал любимцем и первым боярином государя Ивана Великого, а также первым московским воеводой. Не пропустил мимо ушей посол, что богатеи Патрикеевы, чтящий давние права и нравы московского боярства, владеющий двумя слободами и тридцатью селами, кроме деревень, к ним приписанных, является прямым родичем соправителя Ивана Младого, а с великой княгиней Софьей на ножах. О высоком доверии государя к своему первому думному боярину говорил такой немаловажный факт, что пока перестраивали дворец государя Ивана, то жил в доме князя Ивана Юрьевича.

– Да, с таким человеком важно поговорить, заручиться его поддержкой для подписания договора вашего государя с нашим королем – глубокомысленно изрек Ян. – Пусть именно он сообщит вашему государю о сношениях хана и короля.

Ледяным голосом, не разжимая губ, явно недовольный тем, что его собираются опередить с сообщением государю о тайном сговоре Менгли-Гирея с Казимиром, Мамон сказал Яну, что государь, конечно же, отправит к королю своё посольство во главе с дьяком Федором Курицыным. Но сначала надо заручиться покровительством Патрикеева.

– Самый хитрый и опытный человек при дворе, умеющий чувствовать настроение государя и к тому же вкрасься на цыпочках в его доверие, – это первый думный боярин. – Мамон усмехнулся и сказал доверительным голосом. – Влияние на государя его первого дьяка, возможно, преувеличено, тот скорее его первый исполнитель княжьей воли... Но, беспрекословно исполняя княжью волю, можно быстро пойти наверх и занять то положение при дворе, когда без тебя уже не могут обойтись не только во внешних, но и во внутренних делах...

Посол открыл рот, чтобы спросить о положении при дворе самого Мамона, но тот опередил Яна:

– Моё дело маленькое... У нас с государем особые доверительные отношения... Ко мне он обращается тогда, когда могут встать любые дела, которые не дано сдвинуть с места ни Патрикееву, ни Курицыну...

Ян с тревогой посмотрел на Мамона, и спросил глухим обиженным голосом:

– Значит, Патрикеев и Курицын могут не сдвинуть дело с союзническим договором нашего короля и вашего государя?..

Тот сухо ответил:

– Важен не только договор короля и государя, важно отдалить хана Менгли-Гирея от короля... Раз это выгодно всем, и вашему королю, и нашему государю, то общими усилиями, моими, Патрикеева, Курицына мы сдвинем богоугодное дело с мертвой точки. – И шепнул в ухо послу. – ...Только мне лично надобно соблюсти мой купеческий интерес – ясно?..

Как ни странно, последнее замечание пришлось по нутру послу.

– Теперь мне многое ясно: сначала политика, мирный союзнический договор, потом торговля... Хотя торговать можно и без союзнического договора, но с последним проще и гораздо безопаснее... В любом случае, я тебе, Григорий Андреевич, союзник и в торговле, и в политике...

Посол был представлен в Думе ее главе Ивану Патрикееву. Договору между русским государем и венгерским королем был дан самый быстрый ход. Это случилось настолько стремительно, что посол Ян не мог поверить своим глазам. Он уже накоротке познакомился с государевым дьяком Курицыным, но, когда попросил того сообщить ему имя посланника к королю, то получил какой-то двусмысленный ответ, мол, узнаешь из уст самого государя имя его посланника. Только к государю посла не подпускали, а время текло и текло.

Наконец, не выдержав, Ян обратился напрямую к Мамону: пора отъезжать назад к королю, для утверждения им московского договора, а ясности никакой. Не дают на руки договора, подписанного государем, имя посланника неизвестно. К Патрикееву не пробьешься, Курицын хвостом виляет. Вот и схватил Ян за локоть во дворце Мамона – выручай, столкни дело с мертвой точки.

– Понял, посол, кто тебе помогает здесь, без помощи которого ты здесь не обойдешься... – хмыкнул в бороду Мамон и многозначительно показал глазами на приближающегося к ним во дворце невысокого средних лет черноволосого мужчину с живыми умными, пронизательными глазами. – И Курицын скажет тебе только тогда, когда всё будет оговорено мной и государем в интересах его государства, не исключая моих личных прямых купеческих интересов...

– Ежели все ваши дипломаты хотя немного похожи на первого русского купца, не чурящегося высокой политики, блюдущего интересы своего государства, то я высокого мнения о всех вас... С такими можно иметь дело против нашего общего врага короля Казимира... Только нужны доказательства уверенности и силы твоих слов...

Мамон его прервал:

– У нас говорят: не говори гоп, пока не перепрыгнешь... Вот и спроси, посол, при мне об имени русского посланника, которому поручено замутить воду против Казимира в нашем союзническом договоре...

Посол с легким поклоном решительным жестом остановил государева дьяка Курицына, предлагая тому вступить с ним в доверительную беседу на правах знакомца, которому покровительствует сам Мамон.

– Государь уже определился со временем своего посольства к королю Матфею? – вежливо и велеречиво спросил Ян и также аккуратно уколол Мамона некоторым недоверием к осведомленности высокопоставленного собеседника. – И мне уже можно сообщить королю имя московского посланника?

– Имя посланника уже прозвучало... – таким же ледяным голосом пробурчал Мамон. – Могу повторить вторично – Федор Васильевич Курицын... – И, уже переходя на более доверительные интонации, как бы растопив лёд в своём голосе, тихо спросил. – Как король Матфей

отнесётся к установлению семейных уз между господарем Молдавии Стефаном и государем Иваном, если... – И оборвал себя на полуслове.

– Если устроится династический брак между любимой дочерью короля Стефана Еленой и сыном государя Ивана, великим князем Иваном Младым – не так ли? – неожиданно живо откликнулся Ян.

– Именно так... – хмуро заметил Мамон и кивнул головой Курицыну.

– Король Матфей сам бы с удовольствием породнился бы с государем Московским.

– Так в чём же дело?.. – хитро улыбнулся Мамон.

– Очень много неопределенностей... – нехотя процедил сквозь зубы Ян. – Взять того же крымского хана Менгли-Гирея, то он с Москвой, то он с Казимиром... – Но неожиданно спохватился, словно уцепился за спасительную соломинку в бурных политических потоках европейских интриг и союзов. – ...У короля Матфея, к сожалению, нет дочек на выданье для блестящего московского жениха, великого князя, вряд ли тот согласится на брак с королевской племянницей... Иное дело господарь молдавский Стефан... Есть у него и невеста на выданье – Елена по прозвищу Волошанка...

Мамон посмотрел выразительно на Курицына и Яна; покачал недовольно головой, наконец, поморщившись, вымолвил:

– Всё спутал Менгли-Гирей, ускорил все события. Господарь Стефан через моих личных иудейских посредников уже неоднократно закидывал удочки насчёт скорого породнения своего с государем. Царевна Елена и великий князь Иван Младой – чем не блестящая династическая пара? Только Стефан вправе опасаться не только турецкого султана, но и короля Казимира. А переход на сторону Казимира Менгли-Гирея, бывшего союзника государя Ивана, только напугал господаря и расстроил его планы...

Мамон сделал многозначительную паузу, давая возможность вступить в беседу Курицыну и проявить свой острый недюжинный ум, отточенный на многолетнем дипломатическом поприще. Тот не заставил долго ждать себя.

– Молдавский господарь Стефан, выиграв пятнадцать лет тому назад войну у Венгрии, замирился с королём Матфеем и нуждается, как никогда в военно-политическом союзе с Русским государством вместе с Венгрией... – увидев, что Ян утвердительно кивнул головой, продолжил. – В настоящий момент господарь Стефан кроме османских турок султана Мухаммеда Завоевателя и его сына султана Баязеда больше всего опасается честолюбивого короля Казимира и мечущегося между Москвой и Литвой грозного хана Менгли-Гирея... Казимир хочет, чтобы Молдавия зависела от Польского королевства, а Менгли-Гирей, будучи старым вассалом султана турецкого, постоянно угрожал и угрожает Молдавии нападением... Только раньше к радости Стефана Казимир и Менгли-Гирей ненавидели друг друга, а тут неожиданно для Москвы и Молдавии спелись и заключили тайный союз... – И весело добавил, глядя в глаза Яну. – Ваш король ведь будет только рад, если мы отвлечем от союза с Казимиром Менгли-Гирея и снова привлечём на свою сторону – не так ли?..

– Об этом можно только мечтать... – еле слышно вымолвил венгерский посланник Ян.

Курицын переглянулся быстрым взглядом с Мамоном и прошелестел одними тонкими губами:

– Вот с такими известиями я и готовлюсь приехать осенью этого года к королю Стефану для утверждения мирного договора между Венгерским и Русским государствами в Москве.

– Милости просим к королю... – развел руками Ян и сделал изящный реверанс в сторону дьяка-дипломата. – Блестящий королевский приём московскому посланнику государя при утверждении нашего договора... – Ян выдерживал особые паузы, желая подчеркнуть важность произносимых его устами слов. – В свете таких политических новостей... будет гарантирован... как никогда вовремя...

– Ещё бы, – ухмыльнулся себе в бороду Мамон, прощаясь с отбывающим к себе на родину посланником Яном и жестом задержав Курицына.

Когда Ян вышел за дверь, Мамон дал волю своим накопившимся чувствам, которые он сдержал во время куртуазной беседы с венгерским посланником.

– Ведь король венгерский Матфей, как и Стефан, больше всего напуганы событиями в Турции после недавней смерти султана Мухаммеда Завоевателя... Они думают, что при новом властителе всё будет по-прежнему, та же ярость и агрессивность его, направленная против земель иноверцев, сына-преемника, султана Баязеда... Вот и Казимир клюнул на то, что всё будет по-прежнему: новые турецкие завоевания, потому и поспешил тайно перетянуть на свою сторону турецкого вассала Менгли-Гирея... Подкупил его вельможу Именека и склонил к тайному союзу хана... Только ведь и у нас есть возможность через кафских иудеев Кокосы влиять на хана... Причём и подкупать никого не нужно...

– Потому что все, кто надо, давно куплены нами и иудеями. – Поддакнул без всякого удивления умудренный в зарубежных интригах Федор Курицын. – И дальше придется сильно тратиться...

– Не без этого... – согласился Мамон. – Только времянка всё это... Вот и расслабились в своём упоении силой, и Именека, подкупленного враждебной стороной, прозевали...

– Мне видится, что правление Баязеда, философа на троне, приверженца суфизма, более сильного в религиозных размышлениях, чем в ратных подвигах на поле боя... – Курицын насмешливо сложил трубочкой свои губы, выражая своё снисходительное отношение к мудрому, но не слишком воинственному султану. – ...Будет временем относительного покоя и отдыха военных победных походов отца Мухаммеда Завоевателя.

– С оттоманской Турцией, представляющей серьёзную опасность как для наших союзников Молдавии, Венгрии, так и для Польши и Литвы нашего главного врага Казимира, следует по-прежнему считаться... А с учётом наших торговых интересов в Крыму – вдвойне и втройне...

– Ты что имеешь в виду, Григорий Андреевич – после Крымской военной компании султана?

– Её и имею в виду, когда Мухаммед Завоеватель получил возможность влиять на крымских ханов и частично управлять своим вассалом Менгли-Гиреем... И здесь московские и иудейские деньги для хана с крымскими вельможами султану не соперник...

– А вот здесь требуется маленькое уточнение, Григорий Андреевич... Да, Москве требуется считаться с новым султаном, поскольку в дипломатической системе государя ханскому Крыму отводится значительная роль... Только, сдаётся мне, перетягивание Казимиром на свою сторону Менгли-Гирея не выгодно и Баязеду, да и сам Менгли-Гирей ещё полностью осознал последствия своего опрометчивого шага сближения с королём, врагом Турции... Надо как-то использовать враждебность Баязеда в отношении Казимира и его миролюбивые чувства к нашему государю...

– Чтобы перетащить на свою сторону Менгли-Гирея? – усмехнулся Мамон. – Попробуем...

– Надо придумать такое, чтобы натравить Менгли-Гирея на Казимира в интересах султана, но без его помощи в организации набега на южные литовские земли...

– Подумаем вместе, дьяк государев Фёдор Васильевич... Есть у меня на это счёт одна крамольная мыслишка сцепить Казимира с Менгли-Гиреем в интересах государя... Но уж больно крамольная... – Мамон внимательно, испытующе поглядел на дьяка государева. – Скажи-ка, не двинет ли Баязед за Менгли-Гиреем в литовские земли развивать ханский успех?... А то ведь призовешь... посеешь хана – а пожнёшь султана...

– Насчёт воинственности и агрессивности султана придётся разочаровать тебя, Григорий Андреевич... – мягко улыбнулся Курицын. – ...Точнее обрадовать с точки привлече-

ния Менгли-Гирея на нашу сторону... Государь должен знать, что талантливому правителю и воинственному полководцу Мухаммеду – не даром его за разгром Византии и балканские и крымские завоевания назвали Завоевателем! – наследовал мудрый, образованный, но слабый в военном отношении сын Баязед. Такой султан, предпочитающий мир войне, может только наслаждаться плодами воинских трудов своего агрессивного отца... Если воспользоваться аналогиями из военной истории иудеев, султан Мухаммед раздавил, подобно Давиду израильскому, своих соседей, оставил своему миролюбивому не слишком воинственному сыну прочное государство, которое Баязеду не дано расширить территориально, но легко сохранить при помощи искусства мудрого властителя поддерживать хрупкий мир...

– Недаром свой хлеб дьяка государева ешь, Федор Васильевич... – покровительственно похвалил Курицына Мамон. – Пойду к государю с соправителем, обрадую их одной мыслишкой перетянуть Менгли-Гирея на сторону Москвы и досадить Казимиру... Крамольная мыслишка... Даже литовские и крымские иудеи до такого не додумались... А уж так хотелось им досадить Казимиру натравливанием на него хана... – Улыбнулся на прощание Курицыну. – ... Как хотелось им устроить брак Елены Молдавской и Ивана Молодого... А вот последнее уже интересно: все к этому подталкивают государя, и господарь Стефан, и все Казимировы враги из иудейской анти-королевской партии, даже сама казнь Михаила Олельковича, дядюшки Елены Молдавской, и, что самое главное, протопоп Успенского собора Алексей, что государю челом бил, чтобы брак его сына устроить... Твой учитель и духовник Алексей не будет ведь зря государя тревожить, хотя имеет к нему свободный доступ, и ещё со времён новгородской смуты снискал особую милость и расположения государя – так ведь?..

– Учитель знает, что делает... Ушел он из Новгорода по требованию государя, а там уже его ненавистник Геннадий голову поднимает со своими латинянами, диспутов требует... Религия сплетена с политикой, они зависят друг от друга... Спешить надо – и тебе к государю, и мне в Венгрию и Молдавию... Только мне без твоего прорыва с Менгли-Гиреем делать там нечего... И союз семейственный господаря и государя зависит от того, будет ли Менгли-Гирей на их стороне, обоих... вот так-то

– Мудр ты не по годам, дьяк Федор Васильевич Курицын... Куда мне, старику за тобой угнаться... Только и у нас есть порох в пороховницах, чтобы твоё посольство в Венгрию и Молдавию ближе к осени ускорить... Ведь крамольная мыслишка для государя и хана с твоей помощью вызрела...

– Бог в помощь! – по привычке напутствовал дьяк.

– А вот это уже ты зря... – отвернулся боярин и даже покраснел вроде. – Не божественное дело задумано, даже наоборот... Но полезное для Москвы и семейного союза государя и господаря... – Зло хохотнул. – И во вред превеликий королю Казимиру. По зубам татарской саблей...

«И ещё саблей по шее Пречистой с икон киевских в церквях, сожженных скоро крымской татарвой...» – с содроганием, но без всякого внутреннего трепета подумал Мамон. И, не прощаясь с Курицыным, пошел к Ивану Великому и Ивану Младому, поджидающих во дворце своего главного тайного наушника-советчика.

В дверь осторожно скреблись... Отец-государь и сын-соправитель не проронили ни слова при вошедшем бочком Мамоне. Задранный кверху нос с раздувающимися ноздрями и небольшой коричневой бородавкой, на сосредоточенном бородатом лице выражал живейшую готовность сообщить пришедшую на ум первому московскому боярину крамольную идею, родившуюся входе беседы с дьяком Курицыным.

Государь встретил его мрачным сообщением:

– Слышал, небось, Казимир собрал значительное войско в Смоленске для удара по Москве с запада, и через своих лазутчиков пытается связаться с Ахматовыми сыновьями, Муртазой и Сеид-Ахматом, дабы те ударили с востока...

– Слышал, только ничего у Казимира не выйдет...

– Это почему же? – любопытствовал государь.

– Менгли-Гирей разрушит его планы... – самодовольно выдохнул Мамон. – А о царевичах Муртазе и Сеид-Ахмате можно государю пока не беспокоиться... Взаимная ненависть ханов Крымской и Золотой Орды не прекратилась поле изгнания и смерти хана Ахмата. Им даже новый турецкий султан Баязед запретил воевать между собой, пользуясь своим правом верховного мусульманского властителя. – Вспомнил Мамон то, что почерпнул из бесед с государевыми дипломатами, Курицыным, Плещеевым. – ... Не до русских земель, не до Москвы волжским царевичам, на хана крымского зубы свои точат...

Ещё что ты узнал насчёт царевичей и хана? – всё так же мрачно спросил государь при напряженно сидящем, натянутом, как струна, сыне.

– Насчёт царевичей всё... Они долго не сунутся на Русь, это точно... Да и договора Казимира с Менгли-Гиреем особо бояться не надо... Султан Баязед не потерпит того, чтобы к его врагу, королю Казимиру, поддался, пускай временно, пускай через подкупленного мурзу Именека, его вассал... Хотя предпринять кое-что надо с предупредительными мерами... Вот мыслишка одна родилась после казни Казимиром бывшего киевского князя Михаила Олельковича и заточения заговорщиков из анти-королевской русской партии

– А иудеев король не тронул?..

– А чего их трогать, они же для короля безвредными оказалась... Не тронь дерьмо – оно и не воняет... Вот он их и не тронул, чтобы вони не пошло... ведь у него рыльце самого в пуху от подношений и даров иудейских... Да и куда иудеям бежать?... Не то, что русские православные князья – те хотели сюда податься со своими землями... Вот король и отыгрался на князе Михаиле...

– Какая же мыслишка у тебя, Григорий Андреевич, родилась в такой ответственный момент, после казни Михаила и измены тайной союзника насчёт хана крымского?..

– А ты, государь, сделай вид, что не знаешь о его тайном сговоре с Казимиром?

– Делать вид не дело государя. Действовать надо в интересах государства Русского. – Сказал громко и решительно Иван Младой и порывисто вскочил со скамьи.

– Вот и предлагаю действовать... – миролюбиво с блаженной улыбкой согласился Мамон.

– Ты же мне предложил делать вид, что не знаю ничего об измене своего союзника, – не так ли?

– Так, государь... – кротко сказал Мамон. – Только при этом послать к хану твоих послов великокняжеских, к примеру, Михайло Кутуза и Юрия Шестака с выгодными предложениями твоими, навеянными Казимировой казнью несчастного киевского князя Михаила... Ведь когда-то после ухода князя Михаила из Новгорода Казимир нарочно отказался отдать град во княжение Михаила или его брату Василию, сыну Симеона. Назло посадил вместо них наместником своего литовского вельможу Мартина Гаштольда... Киевляне не довольны таким наместничеством латинянина, а тут ещё казнь королём их любимого князя Михаила... Есть повод для недовольства... В Киеве ведь сейчас сидит сиднем латинский наместник-узурпатор... Вот и вели своим послам призвать крымского хана напасть на первопрестольный Киев... Казимиру мало не покажется... Да и хан пограбит древнюю столицу Руси в охотку... К тому же новый султан Баязед пальцем не пошевелит – ни за, ни против набега... Но от унижения Казимира только рад будет... А хан за твой совет погромить Киев поймёт, что ты его настоящий союзник... Ведь это наша русская земля, и государь православный велит чинить разор здесь, а не только не латинянин из временщиков... Ключет хан на такое лестное предложение

государя московского и от заключенного союза с Казимиром откажется ради добычи знатной с ведома православного государя... Как хитро?..

У государя от неожиданности пропал дар речи. Он только качал головой и морщился. Потом злыми-презлыми глазами посмотрел на сына и переспросил:

– Ну, как – хитро?..

Тот отвернул глаза от испепеляющего вопросительного взгляда отца: «Ну, как, принимаешь этот план неслыханного коварства сжечь и разграбить древнюю русскую первопрестольную столицу?» и пепельными губами прошелестел еле слышно:

– Это не для победителя татар... это для... – и задохнулся от внутренней боли и гнева. – ...Разорителя чужими руками опасного союзника...

Государь ждал продолжения от Мамона. Дождался не скоро. Тот смотрел на Ивана Младого, словно ища его понимания и сочувствия. Потом начал говорить, почему-то с трудом и косноязычно, намекая, мол, и мысли о сожжении и грабеже Киева родились только потому, чтобы перетянуть Менгли-Гирея на сторону новых союзников, сватов господаря Молдавского Стефана и государя Московского Ивана Васильевича...

Государь слушал Мамона с напряженным вниманием. Иван Младой обхватил голову двумя руками, внутри его всё клокотало от ненависти при одной мысли, что древний первопрестольный град Руси может быть спалён и разграблен только потому, чтобы устроить семейный союз двух сватов, молдавского и московского. Когда он в бешенстве встал и хотел выскочить за двери, отец окатил его ледяным взглядом, как ушатом смертельно холодной воды ли, отравы ли, и рывкнул:

– Сиди... Слушай... дело говорит боярин... Крымский хан нам в спину нож наточил... А мы сделаем вид, что этого ножа не видим, только предложим короля подрезать в Киеве, если у хана ножик случайно какой завалился... Тут он сразу и признается: «Есть у меня такой ножик на короля...» Ещё бы русский государь предложил татарину Киев порезать на куски ножичком, которым Москву король резать хотел... И сват Стефан только рад будет союзу с Москвой и Крымом... Такой триумвират ему в самом сладком сне не снился... А тут такая радость тройственного союза... И турки не страшны, и король Казимир на поводке... И дочка господаря – московская царевна... Каково?.. – Государь оглядел Мамона и сына и довольно хохотнул... – Ай, да Мамон отчебучил... Двум Великим князьям коленце выдал... Если Менгли-Гирея с твоей киевской затеей перетянем снова на свою сторону, если тройственный договор с господарем и с ханом сотворим, поедешь сватать Елену Молдавскую лично во главе великого посольства московского...

– Отец... о-о-тец... – простонал Иван Младой... – Ведь не может быть личного счастья на несчастье своих же единоверцев... Неужели ты не понимаешь, что, обрекая Киев на сожжение руками иноверцев, какими бы политическими мотивами ты не прикрывался, ты обрекаешь и триумвират союзников и венчание сына на...

– Ничего я не обрекаю... – взвился государь. – Наоборот, это новый путь...

...В никуда... к смерти... чередой смертей... и ничего больше... – снова простонал Иван Младой с белым от муки лицом. – Ведь мы же прорвались в противостоянии на Угре с ханом Ахматом, и здесь прорвёмся... Только не надо сжигать Киев руками иноверцев...

– Без Менгли-Гирея мы никогда бы не одолели Ахмата, никогда не перехитрили короля Казимира...

– Господи... – простонал Иван. – Мамон, слушай, неужели ты поедешь с посольством к господарю Стефану?..

Тот задумался на секунду и сказал:

– Стар я уже для посольств государевых за невестами для Великого князя... Прав твой сын... Кого помоложе послать надо за невестой... А посредницей избрать нужно не старого боярина Мамона, а великую княгиню Марию Ярославну... А пировать на свадьбу сына, наде-

юсь, государь, пригласишь... – И хохотнул довольно. – Меда распивать на свадьбах знатным гостем возраст не помеха...

– Ишь, как губы раскатал... – незлобно усмехнулся государь. – Сначала нужно хана нацелить на Киев в ущерб Казимиру-латинянину, тем союз вечный с Менгли-Гиреем укрепить... Да, дьявольские мысли тебя, Мамон, посещают... это ж надо измены союзника не заметить, но предложить ему пожечь и пограбить православную столицу, до которой у самого руки не дотягиваются... Коротки пока государевы руки, да коварства с советчиками Мамонами не занимать... Авось, Господь простит за разоренный Киев... Не за собственную шкуру пекусь, а за всю землю Русскую... И ты, Иван, смотри и на ус наматывай... Знай, горьки хлеб и меда государевы, ибо...

– ...ибо что?.. – встрял Мамон.

– ...Тебе это не грозит это «ибо»... – успокоил его государь. – ...Лукавцев это не касается...

– ...А праведников?.. – не успокоился Мамон, легко согласившись с государем, что его при дворе держат за лукавца. – А как быть с праведниками, слушающих советы, государь?

– А праведникам ответ держать за советы и деяния лукавцев... – горько промолвил Иван Младой за отца. – Ибо за труды и свершения государей Господь судит строго, отрядив им свою власть небесную – волю князю превратив в господнюю – предоставив право святое распоряжаться на своей земле, как в господней отчине... Ибо государей не столько современники, сколько потомки судят за «господнюю долю», обращая её в народной памяти в «княжью долю».

Мамон неуклюже в пояс поклонился сначала государю-отцу, потом соправителю-сыну. И несколько ошеломленный, с бегающими мурашками по спине вышел, ибо не ожидал такого поворота темы господней и княжеской доли и воли от юного праведника Ивана Младого, смутившего старого лукавца неожиданными поворотами и прорывами мыслей об ответственности власти перед совестью и потомками.

3. Свадебные подарки хана-союзника

Государь тут же послал послов великокняжеских Юрия Шестака и Михайло Кутуза, чтобы разрушить мирный договор хана и короля предложением Менгли-Гирею воевать Киев уже в качестве неприятеля Казимира.

Послы что-то бубнили о мести королю за казнь киевского князя Михаила Олельковича... Хан слушал толмача вполуха... Менгли-Гирей сразу расколочил послов: те нарочито обходили подводный камень заключения мира между Литвой и Крымом и напирали на предложение государя хану идти на Киев. Словно разрешение на разграбление первопрестольной русской столицы требовалось получить не у Казимира, а у Ивана Великого.

Смущало хана, что московский государь ни словом через своих послов не укорил хана за его королевскую измену и разрыв договора с Москвой. А от личной просьбы государя пойти на Киев и опустошить его у хана аж дух спирало, не ожидал он такого «совета» от русских государей.

Зло буркнул, поблескивая узкими заплывшими от жира глазками:

– Неужто не жалко Киева, послы московские?..

Те топтались неуклюже, спрятав голову в плечи, переминались с ноги на ногу, но не отвечали насчёт московской жалости и жестокости. Хан понял, что не получит ответа ни на один интересующий его вопрос ни по поводу московской жалости к Киеву, ни об осведомленности государя относительно ханского мирного договора с Казимиром.

Послам хан сказал, что своё решение идти или не идти опустошать Киев он сообщит завтра. Тут же вызвал одного ученого иудея Моисея, которого рекомендовал в ближний круг советчиков хана ещё с давних времён заключения мирного договора Таврической Орды с Москвой кафский купец Кокоса. Собственно, через Моисея хан Менгли-Гирей осуществлял сношения и с иудейской анти-королевской партией в Литве, и с самим королем Казимиром.

«Пусть иудеи считают, что крутят ханом и королём, – думал хитрый Менгли-Гирей. – Король пусть пляшет под иудейскую дудку, а хан сам возьмёт из рук иудеев их дудку и заставит плясать иудеев, хан любит весёлых плясунов, из иудеев особенно».

Хан спросил пришедшего к нему советника Моисея, знает ли государь Иван о договоре Литвы и Крыма, и почему московский государь натравливает его на Киев – неужто только из-за мести королю после показательной казни бывшего киевского князя Михаила.

Моисей для начала напомнил хану, что Менгли-Гирея на государя Ивана вывели небезызвестные ему Кокоса и Мамон, и что государь Московский не изменял своему устному или письменному слову ни в дни торжеств, ни в дни опалы Менгли-Гирея. Хан кивнул головой, давая понять, что ценит слово государя и усилия иудеев, вообще, и Мамона с Кокосой, в частности, по расположению его, Менгли-Гирея, к дружескому, искреннему союзу с государем Московским.

Относительно того, знает или не знает государь об измене хана и его договоре с королём, Моисей осторожно сказал, что, конечно, знает, но внял мудрому совету Мамона сделать вид, что «знать об этом не хочет, чтобы не разочароваться в старом друге и союзнике».

Хан весело хлопнул кулаком себя по колену и зло подумал про себя, что призывом идти и опустошить Киев государь предоставляет ему последний шанс подвести черту под испытаниями, выпавшими их дружбе и как бы оживить выдохнувшийся мирный договор старых друзей и союзников. Можно было бы этим и удовлетвориться, но хан спросил иудея насчёт стратегических целей государя, где набег на Киев крымских оказывался всего одним, пусть немаловажным звеном, в цепочке сложной восточноевропейской геополитики.

Ученый иудей Моисей подробно просветил Менгли-Гирея, что набегом на Киев выстраивается временный антиказимировский блок Москвы, Крыма, Молдавии и Венгрии. И сразу за

набегом Менгли-Гирея на литовский Киев последует утверждение мирных договоров Москвы с Венгрией и Молдавией. А знаменательным апофеозом триумvirата государя, господаря и хана будет свадьба дочери Стефана и сына Ивана в Москве.

– Пришлю я свадебный подарок Москве из сожженного и опустошенного литовского Киева, порадую, раз он того хочет, русского государя, моего верного союзника... – расплылся в зловещей улыбочке хан. – Порадую, блаженного друга-союзника Ивана, так сказать, великого в своих дипломатических коварствах...

Хитрый Моисей тактично и бесстрастно поправил хана:

– Подарки из киевских трофеев следует послать государю непременно... – он сделал легкую паузу, и хан метнул в него свой гневный вопросительный взор – ну и что дальше? – ... Только не надо обижать государя нарочитым намёком, тем более, письменным или устным, что это трофейные подарки посланы ханом на свадьбу сына государя...

– Как это?... – удивился Менгли-Гирей. – Послать подарки киевские и не обидеть подарками... Разве так можно?..

Иудей мягко улыбнулся и добавил ангельским голосом:

– Послать киевские подарки нужно как можно быстрее, не привязывая их к свадьбе Ивана Молодого и Елены Волошанки... А уж после этого мы и союзы государя с господарем и свадьбу устроим, как полагается... Укрепим дружеский союз их семейственным... А хану уроки из двух договоров извлечь надо и оставить один договор, старый и проверенный годами с государем...

Последнее замечание было неслыханной дерзостью. Хан хотел дать волю своему гневу, ещё бы его укорили в неверности государю и данному ханскому слову... Но Менгли-Гирей, закрыв глаза, ослепшие от нахлынувшей ярости и боли, прошелестел одними губами:

– Я буду верен своему ханскому слову и своим союзникам московским государю Ивану и его соправителю-сыну... до гроба... Аллах тому свидетель. На нашем веку измен не будет, а после нас пусть решают потомки наши – быть или не быть союзу Москвы и Крыма...

Менгли-Гирей по напряженному лицу Моисея понял, что в этих торжественных клятвенных словах должно быть место и иудеям, без усилий и трудов которых не было бы и союза Москвы и Крыма, и анти-литовской их коалиции... Хотел было уже озвучить мысли о месте иудеев в союзе Москвы и Крыма, их праве воспользоваться плодами этого союза, будь то в землях Москвы или Крыма, но передумал и раздраженно махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Утром хан вызвал послов государевых Шестака и Кутуза и велел им передать, что по-прежнему считает себя верным союзником государя и неприятелем короля, и в знак ненависти к Казимиру исполнит то, что он должен совершить, укрепив союз с Москвой, – опустошить литовский Киев...

Уже скоро осенью 1482 года хан Менгли-Гирей с многочисленной татарской конницей подошел к Киеву. Сопrotивление хану на берегах Днепра на удивление многих в Москве и Литве было небольшим, робким – чувствовалось, что горожане не ждали набега...

Киевские вельможи даже не успели толком организовать достойную оборону, а королевский наместник вместе с воеводой Иваном Хоткевичем продемонстрировал всем свою полную беспомощность в отражении угрозы. Крымские полководцы уже не могли, да и не хотели сдерживать своих воинов, нацеленных на знатную добычу киевскую, раздраженных и сдерживающих себя от разорения и грабежа мелких городов на своём пути. Войско крымчаков жило мечтой об опустошении первопрестольной столицы, упоении неслыханным грабежом – и дорвалось до своей цели.

Киев был взят в одночасье, пленён тамошний никудышный воевода Хоткевич, вооруженная до зубов литва побежала, русские защитники Киева забились в свои щели...

Крымчаки, как прожорливая степная саранча растеклась по первопрестольному Киеву. Крымчаки не щадили ни старого, ни малого, ни женщин, ни детей, в охотку грабили и богатеев, и бедняков, если у тех было хоть что-то малость ценного, что можно было унести и увезти в конских повозках. Обдирали с неслыханной радостью и энтузиазмом знаменитые на весь мир церкви и монастыри, возрожденные после Батыева нашествия и отстроенные заново.

В Софийском соборе и Киево-Печерской лавре крымчаки расхитили утварь и ризы, содрали оклады с драгоценных старинных икон, выдирали украшения со стен, потолков, полов. В довершение всего крымчаки запалили и обратили в пепел монастырь Печерский. Волна татарской конницы, озверев от грабежей и опустошения, как нахлынула неожиданно, так и отхлынула, уведя с огромный полон вместе с откупом со всех живых, кто остался в разоренном и опустошенном Киеве.

А в Венгрии у короля Матфея уже находился с московским посольством дьяк государев Федор Курицын. Вельможа Ян не обманул его в Москве. Дьяку был оказан поистине королевский приём сразу после нападения татарской конницы крымчаков на многострадальный Киев, принадлежащий врагу Венгрии и Москвы королю Польши и Литвы Казимиру. Обе стороны при утверждении договора, заключенного в Москве, и разменных государственных грамот условились вместе воевать Польское и Литовское королевство в удобное для государя Ивана и короля Матфея время.

К тому же государь московский через своего доверенного посланника, дьяка Курицына потребовал в свете заключенного договора от короля Матфея поспособствовать улучшению гражданского образования Руси и развитию новых ремёсел и промыслов. Доставить из Европы в Москву инженеров и пушкарей, умеющих лить пушки и стрелять из них; получать серебро для производства драгоценных больших и малых сосудов; зодчих для строительства и обустройства церквей, домов, городов; горных мастеров для добывания драгоценных руд и металлов.

«У нас есть огромные запасы серебра и золота, но мы не умеем чистить руду... – передавал слова государя дьяк Курицын королю Матфею в присутствии вельможи Яна. – Услужи нам в добыче и очистке руды, и тебе услужим всем, что находится в моём государстве».

Надо ли говорить, что московская политика сдерживания Казимира и союза с Менгли-Гиреем проводилась в русле дружбы государя Ивана и с королём Матфеем, и с господарем молдавским Стефаном, мужественном в опасностях и в многочисленных победах над турецким и венгерским воинством. Одно плавно перетекало в другое. Дружба и союз с господарем Стефаном были даже более важны для Москвы, поскольку объединяющими были единая вера греческая, сходство в обычаях и нравах, употребление одного языка в церковной службе и в делах государственных.

Радостью для короля Матфея стал и искренний ответ Москвы утвердить семейные узы между сватами, господарем и государем, по их взаимному желанию, наметив в самое ближайшее время венчание и свадьбу невесты молдавской Елены Волошанки и жениха, великого князя Московского Ивана Младого. Наверное, такая свадьба могла бы служить оберегом и Венгрии, и Молдавии от турецких поползновений, если гарантом невмешательства султана Баязеда мог считаться верный союзник государя хан Менгли-Гирей, смело посягнувший на Казимиров Киев, преподнесший тем самым своего рода свадебный подарок московскому союзнику, свату...

Посланник к королю Матфею дьяк Курицын, возвращаясь в Москву, неожиданно был задержан турками, но стараниями короля и ещё большими усилиями хана Менгли-Гирея, лоб разбивавшего в усердии доказать верность и привязанность московскому государю, был вскоре освобожден.

К господарю Стефану, на радость династических сватов, за невестой Еленой Волошанкой отправилась в Молдавию московская дружина во главе с Михайло Плещеевым. Еще бы, такое ответственное поручение государя. В Молдавии должен был и свершиться торжественный обряд обручения невесты Елены Волошанки и жениха Ивана Младого. И обряд свершился в присутствии господаря Стефана, покровителю добродетели, радостному в привалившем его отчизне счастье отца и правителя. Стефан отпустил дочь-невесту в Москву со своими знатными боярами: Ланком, Синком, Герасимом и с женами их.

Свадебному поезду по дороге из Молдавии в Москву надо было ехать через южные земли Великого Литовского княжества. Казимир после разгрома, учиненного ханом Менгли-Гирея, мог бы и завернуть свадебный поезд к московскому свату, союзнику крымского хана. Молдавские бояре тревожно жужжали о злокозненном короле в полной уверенности, что всего можно ожидать от противника господаря и государя.

Но на границе литовского княжества свадебный поезд встретил какой-то невзрачный иудей, посланник от короля Казимира, сообщивший, что король не только дал молдавской невесте свободный путь к её московскому жениху, но даже обещал прислать дары в Москву ко дню её свадьбы в знак особой королевской учтивости.

Король куртуазный, пусть недруг сватов, все же сделал «жест доброй воли» при зарождающемся чуде любви и молодости. Мол, войны и политические интриги, с одной стороны, временны и преходящи но любовь и венчание со свадьбой молодых, с другой – это вечное, непреходящее...

Пусть в мире всё смешано-перемешан, пусть мясо варится в чанах, а над чанами мухи жужжат; мудрый король, отдающий дань любви, всегда за то, чтобы мухи жужжали отдельно, и мясо тоже подавалось к праздничному свадебному столу отдельно – без надоедливых, тем более, несущих заразу мух...

Король здесь явно оказался на другой победной стороне – любви жениха и невесты, любви, которой ещё дано пробудиться и молодости, быстрокрылой, не всегда обращающейся в старость, а не на стороне сватов, старых по всем меркам правителей и старых неприятелей короля.

Ведь король был тоже женат неоднократно, многожды влюблялся и имел множество любовниц, отдавая предпочтение почему-то красивым южанкам, среди которых часто встречались роскошные волоокие и пышнотелые иудейки. Казимир считал, что королевские обязанности любви, не важно, платонической или плотской, не помеха. И что все безлюбые, не влюбленные люди достойны презрения, потому что святая любовь, а не греховная война должна править миром.

Король Казимир имел тайные надежды, что когда-нибудь по примеру Стефана Молдавского и Ивана Московского он тоже устроит династический браки породнится с русским государем, только отдаст за московского престолонаследника не свою дочь, а сына Александра женит на княжне из государева рода... И вот тогда удастся обтяпать свои делишки с влиянием на Москву, перетягиванием политического одеяла на свою сторону... Только когда такое случится?... Может, и короля Казимира уже не будет на этом свете?

А крымский хан Менгли-Гирей незадолго до венчания и свадьбы Ивана Молодого прислал Великим князьям, соправителям Русского государства поистине ханский подарок: трофейные золотые дискос и потир киевского собора Святой Софии.

Сын и отец вместе с самыми приближенными боярами и священнослужителями, среди которых был Григорий Мамон и протоирей Алексей, с чувством огорчения и даже стыда разглядывали массивное блюдо из чистого золота, на котором во время богослужения лежали хлебные просфоры, и чашу-потир, где освещалось вино для причастия.

Сей странный, по форме и содержанию, ханский дар оскорблял чувства православных, о чём кто-то пробурчал за спиной государя, выражая горькое сожаление, что новая православная столица послала варваров-иноверцев в древнюю русскую православную столицу, где Русь крестилась, жечь и грабить святые церкви и святыни христианские. И вот такой оскорбительный подарок...

Государь, не оборачивая головы, сделал недовольный жест в сторону оскорбившихся шептунов их бояр и духовных и сказал твёрдым голосом, не терпящим возражения:

– Я мог бы даже не показывать вам этих даров хана... Если бы оскорбился, как многие из вас, выкинул бы или отослал назад – в Киев, разумеется, не хану-иноверцу... – Зыркнул по глазам, как опалил молнией государевым взглядом. Вовремя вспомнил, что из присутствующих кроме сына и Мамона никто и не знает, что хан-союзник исполнял волю и требование Москвы. Сказал, взвешивая каждое слово, которое впечатывалось в своды дворца, как раскат грома. – Не из-за этого дара, а за союзническую помощь в борьбе с королём Казимиром, за взятие Киева в литовских землях, я вынужден изъявить глубокую благодарность верному союзнику. Я думаю сначала и единственно о выгодах Русскому государству из союзнических обязательств против врагов Руси, к которым относится её давний, закоренелый и коварный враг король Казимир... За взятие Киева я буду благодарить хана, убеждая его и впредь ревностно исполнять условия союза Москвы и Крыма... Насчёт даров не будем спешить в своих оценках... Крепко подумаем. прежде чем оскорбляться или радоваться...

Государь дал понять, что разговор окончен, но уже в дверях попросил задержаться протоирея Алексей и боярина Мамона.

Пока те медленно и церемонно подходили к государю, Иван Младой шепнул отцу:

– Вот и получил подарок ко свадьбе... Удружил хан... Своей издёвкой горло сдвигал верёвкой...

Тот, не разжимая губ, недовольно процедил, еле слышно:

– Разобраться бы надо во всём, а потом уже оскорбляться или горевать... Что-то сказать хотел хан или кто надумил его...

– Мамон говорил, что при нём в главных советчиках иудей Моисей ходит, они с Кокосой так хану Менгли-Гирею насоветовали... – И уже тревожным свистящим шепотом... – Неужто иудеи знак подали?.. Откуда непосвященному в тайны православия знать смысл таинства причащения, тайну евхаристии?..

Они долго молчали вчетвером: великие князья, отец и сын, Мамон и Алексей-«Авраам». Понимали, что им придётся разгадывать загадку из области высших религиозных и человеческих откровений...

Начал каким-то странным глухим голосом государь

– Перед тем, как вместе разобраться в том, какой знак нам, властителям и духовным православной церкви подал хан или...

Грозно посмотрел на Мамона, потом на священника Алексея.

– ...Его советчики из иудеев или латинян... вот что хочу сказать. Пусть сначала Иван по памяти прочитает слова Христовы, сказанные на Тайной Вечере, а потом призываю вас задуматься о тайне знака, таинстве причастия, связать всё это воедино и высказаться... Не надо пока возбуждать ропот недовольства, чтобы знали о подарке многие... Тех, кто видел ханский подарок, я заранее предупредил: если будут худые мысли, прикажу замолчать, а не то язык отрежу... Иван...

– В Евангелие от Матфея так сказано: «И взяв хлеб, и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Моё, которое за вас предаётся; сие творите в Моё воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть новый завет в Моей крови, которая за вас проливается...» – Иван Младой остановился и легонько кашлянув, продолжил яснее и звонче. –

Поэтому и называется таинство причащения-евхаристии Вечерей Господней, Трапезой Господней, таинством Тела и Крови Христовым...

Государь лёгким движением пальцев правой руки оборвал сына и пригласил к размышлениям вслух отца Алексея-«Авраама».

– Всё правильно... Сами же Тело и Кровь Христову называют в церкви Хлебом небесным, Чашей жизни или Чашей спасения... И ещё называют Святыми Тайнами или Бескровной Жертвой... – Посмотрел на государя, потом на Мамона – может, они что хотят добавить. Видя, что мамон нарочно отвёл глаза в сторону, отказываясь пока брать слово, Алексей продолжил. – Таинство, как известно всем христианам, состоит из двух главных моментов: пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Господни, осуществляемые Духом святым по молитве священника; причащения-принятия верующими этих знаков...

– Продолжай, продолжай, святой отец... – ласково поддержал Алексея государь.

– Хорошо, государь... Для разгадки смысла дара из Киева надо вспомнить, что греческое слово «евхаристия» буквально означает «благодарение», так как священнослужитель перед освящением хлеба и вина в молитве вспоминает великие дела Бога, прославляет и благодарит Бога за заботу о простом человеке. Важно напомнить тебе, государь, что верующие в христовой церкви в это время также благодарят Бога за ту жертву, которую Он принёс всем людям для их спасения...

Как бы размышляя вслух в унисон своих мыслей о таинстве причащения, государь, глядя почему-то в упор на Мамона, продолжил оборванную на полуслове мысль протоиерея Успенского собора.

– ...Обряд причащения совершается только после таинства покаяния... Слышишь, Мамон... При условии отпущения всех совершенных в прошлом грехов... Насчёт будущих грехов – не знаю... Несоблюдение условия отпущения всех грехов, а также недостойное принятие причащения – то есть без всякой внутренней благодарности господу! – является грехом огромным, возможно, смертным...

– ...Не смертным... – спокойно возразил Мамон. – Это для меня очень важно, что не смертным...

Государь тревожно посмотрел на отца Алексея, чтобы он тут же разрешил заблуждение по поводу «смертного греха» при несоблюдении условий отпущения грехов или недостойном принятии покаяния.

– ...Не смертным, но очень большим грехом... – равнодушным голосом засвидетельствовал протоирей маленькую победу Мамона в возникшем летучем споре с государем. – ...Суть не в определении малости или величины греха, а в непостижимости для человеческого разума таинства причащения... Поскольку таинство евхаристии из разряда неразгаданных... – кивнул на дискос и потир, подарки хана, к тому же из Киева, столицы крещения Руси и зарождения христианства в русских землях. Повторил упрямо и нравоучительно. – ...Таинство евхаристии является, пожалуй, самым непостижимым в христианстве... Не такие умы, как мой... – На секунду задумался, желая сказать «наши», но чтобы не обидеть чувств великих князей, показал глазами на Мамона и продолжил говорить. – ...Мамонов и других остановились перед барьером непостижимости... Хотя, правда, есть у меня одна шальная мысль насчёт присутствия в таинстве Святого Духа и работы души и внутренней свободы простого смертного человека, но как-нибудь потом... Если во всех других таинствах передача божественной сверхъестественной силы происходит в форме внешних священнодействий, то в евхаристии это осуществляется посредством принятия пресного хлеба и вина, превращенных, по церковному, как правильно сказал Великий князь Иван Младой – «пресущественных» в тело и кровь Христовы...

Снова долго молчали... Потом, наконец, Иван Младой взял в руки дискос и потир из Киевского собора Святой Софии, странные, страшные, в какой-то мере просто оскорбительные

дары хана и государю, и жениху-сыну великому князю и с душевным надрывом, со слезами в горле стал говорить.

– ...По глубинному, внутреннему значению это таинство евхаристии, совершаемое с помощью этих священных драгоценных атрибутов христианской церкви, приравнивается к испупительной голгофской жертве...

Иван вспомнил и свою мать, её и свои собственные пророческие сны в «последних временах семитысячелетия» о её и его собственных «последних временах» человеческой жизни и ещё глуше, проникновеннее заговорил:

– Как в испуплении, в таинстве евхаристии посредством принятия Тела и Крови Христовых происходит не только полное духовное очищение и освящение человека, но и действительное соединение верующих с самим Иисусом Христом... А вместе с тем происходит соединение всех верующих между собой и объединение их в единое Тело Христово. Как сказано в Священном писании, «едущий Мою Плоть и пьющий Мою кровь пребывают во Мне, и я в нем»... Может быть... Нет, именно, непременно поэтому, единение со Христом является для человека истинным источником его духовной жизни, залогом спасения и Воскресения не только духом, но и телом...

Только про себя Иван Младой подумал с убийственным отчаянием и оцепенением: «Когда говорят о Воскресении, то подразумевают происшедшую до этого смерть... Воскресение Христа уже произошло, а до воскресения всех смертных, умерших и тех, кто умрёт завтра, послезавтра, на последнем отрезке «последних времён» – для всех надо ждать второго пришествия Христа... Дождёмся ли?.. Дождусь ли я?.. А чего собственно ждать сначала – завтра, послезавтра... Воскресение...».

«Иудеи прислали Киевскую Святыню для обряда евхаристии в Москве... Что бы это значило?.. – Подумал, поморщившись, Мамон. – Или хан сдуру на золотишко позарился? Потому и подарок дорогой жениху Ивану Младому и невесте Елене Волошанке отрядил...»

– Хан прислал это государю-свату, как подарок ко свадьбе жениху и невесте... Пусть так думают все и мучаются, что бы это значило... Это нам знак, от Моисея... – сказал на ухо Мамону протопоп Алексей.

– От ханского советчика Моисея?.. – переспросил Мамон еле слышно.

– Нет... Не только от того... От пророка, слушавшего на горе Сиона глас Бога Яхве, и предупредившего всех о рождении Христа и о его втором пришествии тоже...

– О чём вы шепчитесь?.. – недовольным голосом с внутренним раздражением спросил государь...

– Есть догадка, государь... Обмозговать надо, как следует... – И неслышно для Великих князей московских Алексей-«Авраам» прошелестел холодными губами. – Насчёт новой обновленной веры христианской в соединении с Моисеевыми откровениями Старого завета... В освобожденной от хана-фараона Москве – втором Священном Израиле...

4. Венчание Ивана Младого и Елены Волошанки

Свадебный поезд из Молдавии с невестой Еленой Волошанкой благополучно, без приключений докатил до Москвы. Прибыл вовремя, как раз сразу после Филипповского поста. От Рождества Христова до Крещения невеста жила в Вознесенском монастыре у бабки жениха, матери государя, инокини Марии Ярославны. Венчание было назначено в самый праздник Крещения.

До венчания жениха с невестой показывали друг другу. Все хлопоты по древней процедуре предвенчального знакомства легли на плечи инокини Марии, которую великие сваты, государь Стефан и государь Иван, именовавшиеся в своих землях «Великими», милостиво захотели избрать в посредницы блестящего династического брака.

Жених Иван, перед тем, как увидеть впервые свою невесту спросил отца с каким-то надрывом:

– Отец, ты ответил крымскому хану?..

Государь поднял на сына удивленные глаза и ответил вопросом на вопрос:

– Почему это должно волновать тебя?

Иван Младой стусевался и немного замешкался, потом взял себя в руки и сказал каким-то грустным, усталым голосом:

– Я день и ночь думаю о смысле ханского подарка...

– Я тоже... – кивнул угрюмо головой государь

– Не важно, хан Менгли-Гирей это придумал или иудей Моисей... Только дело в том, что татары, порубив, как живые деревья, тела безвинных жителей древней русской столицы, пролив ручьями и реками кровь этих безвинных граждан, прислали к моему венчанию похищенные их Святой Софии, дискос и потир, в которых освящаются во время богослужения: просфоры и вино, Тело и Кровь Христова – в таинстве причастия, где надо нам каяться и каяться...

– Ну... – угрюмо отозвался государь

– Может, татары с иудеями нас призывают каяться, что мы с тобой согласились принять дьявольский план Мамона натравить татар вырезать русских в древней русской столице, как в Батыевы времена?..

Государь только покачал головой и так же горестно сказал:

– Думал я и об этом... Не тебе одному этот свадебный подарок, между прочим... – Посмотрел в упор в глаза сына, удивлённо вскинувшего голову вверх. – Это призыв каяться больше государю русскому Ивану Великому, нежели его сопровителю-жениху Ивану Младому...

– ...Не понимаю... О чём ты, отец?..

– А ты сам подумай – откуда прислали литые из золота дискос и потир?

– Из Киева... Из собора Святой Софии... Ну и что?..

– Вот то-то и оно... Намёк уже не тонкий, а толще не придумаешь... Татары с иудеями объединились, саму Святую Софию призвали, чтобы заставить каяться государя московского за его кровавые деяния, что в граде Святой Софии – Новгороде, что в Киеве... Новгородская хитрая печать просматривается: кайся, Москва за поруганную святую Софию града вечевое русской вольницы... Может так?.. Не тебе, сын, подарок покаянный, а государю?..

Иван Младой с ужасом увидел, как исказилось гримасой боли и страдания лицо отца. Душевное потрясение государя было не меньшим, если не большим душевного потрясения от свадебного ханского подарка жениха- сына. Иван Младой только и вымолвил глухим надтреснутым голосом:

– Прости, отец... Я всё в себе копаюсь, мучаюсь... Думаю о собственном покаянии в жутких предчувствиях, что татары и иудеи своим подарком подталкивают к крамольной мысли, что Бог-отец и Бог сын не благословляют нашего союза с Еленой, дочерью господаря Стефана...

Государь усмехнулся ещё горше и горько вымолвил с таким же душеным надрывом:

– Так ведь и я с твоих слов могу подумать, что Бог-отец и Бог-сын не благословляют моего союза с господарем Стефаном, королём Матфеем и даже с ханом Менгли-Гиреем...

У Ивана Младого мелькнула в мозгу некая догадка, и он тут же поделился с загрустившим отцом.

– А я вот о чём подумал... Ведь нам крымским ханом посланы драгоценные дискос и потир, употребляемые во время богослужения в православной церкви... Конечно, хан до всего этого далёк... Подтекст, тайный смысл в подарок великим князьям московским мог вложить только мудрый иудей Моисей... Вот видишь, цель достигнута, он и тебя и меня смутил... И покаянием нашим, и жертвенностью моей и моего брачного союза... Сим жертвенным ритуалом осуществляется какая-то ветхозаветная тайна, иудейская мистика...

– Ты хочешь сказать, что прислан ханский подарок с тайным сакральным иудейским подтекстом?..

– Не только это, отец... У меня такое впечатление, что иудеи и прибытие самого свадебного поезда подгадали не случайно... К Рождеству Христову, а венчание подогнали к празднику Крещению, когда все воды мира обновляются...

– От Рождества до Крещения... Любопытно, весьма... – повторил задумчиво государь. Углубился в свои государственные мысли. Сказал, как отрезал. – Хан верен союзу со мной, Казимиру не удалось перетащить его на свою сторону. Русь благодаря этому союзу сбросила удавку ига Золотой Орды Ахмата со своей шеи... А дальше поживём – увидим, как шутил твой умудренный тяжким жизненным опытом дед Василий Тёмный... При моей жизни хан мне не изменит... А ты уж там сам смотри, чтобы и тебе хан не изменил... Твоим браком мы многое в мире изменим, Казимира объедем, его земли к Москве отпадут... А с иудеями посмотрим... Неужто что-то в этом есть от пророка Моисея: вершится новая власть на земле Русской и вера новая вершится – от Рождества Христова до Крещения?.. Ну, ладно, сын, пора... Иди на смотрины невесты...

Когда жениха и невесту показали друг друга впервые, Иван влюбился в Елену с первого взгляда... В предпоследний год «последнего времени» семи тысяч лет от сотворения мира, когда и пасхальные таблицы, используемые на Руси, исчерпались, Елена признается Ивану, что и она влюбилась в него с первого взгляда...

Молдавская невеста, ослепившая Ивана Младого бесподобной красотой и девичьей статью, выходила во время смотрин в разных драгоценных нарядах и уборах – «казала сряду».

У Ивана бешено билось сердце. Когда влюбленными глазами глядел он прекрасную незнакомку из далёких южных земель господаря Стефана, малыми средствами творящего великое под носом литовского короля и турецкого султана. Но кроме уважительного чувства к древнему роду отца невесты возникало нечто иное радостное и тревожное чувство влюбленности, свойственное только бесшабашному молодому сердцу. Зрелости и тем более старости неведомы эти сводящие с ума порывы молодого сердца, бросающие то в жар, то в холод. С робким юношеским удивлением Иван Младой ловил пугливо-любопытные взгляды высокой стройной девушки с блестящими живыми глазами. В них светились недюжинный ум и благородство трепетной и тонкой души.

Она его притягивала сильнее миллионов магнитов... Почему-то Иван тут же вспомнил о своей матушке Марии, которая тоже притянула отца магнитом любви, а отец уже после рож-

дения его, Ивана, воспротивился от этого притяжения – и всё это якобы во имя высших государственных целей и устремлений...

Вот и сейчас те же государственные цели и устремления Руси Ивана Великого призвали к этому брачному союзу жениха и невесты, к семейственному политическому союзу государя и господаря. Иван Младой предавался мыслям об этом союзе, не дающем покоя голове – мотивами покаяния, очищения и жертвенности, навеянными ханским и иудейским подарком золотого диска и потира... А ещё смотринами в промежутке от Рождества Христова до Крещения, венчанием на великий христианский праздник Крещения...

При таких тревожных, мятежных и искупительных мыслях жених излишне равнодушно осмотрел приданое невесты: драгоценные сосуды и украшения, дорогие меха, бархаты, паволоки, какие-то старинные церковные книги и древние тайные писания...

«Потом после Крещения разберёмся в древней священной тайнописи, вместе с женой кареглазой, может, там что и полезное есть для любви влюблённого мужа...» – подумал про себя Иван Младой и неожиданно улыбнулся невесте раскованной, немного даже озорной, белозубой улыбкой, чем немало смутил молодую, опустившую долу очи и голову в драгоценном уборе...

Иван Младой мучительно размышлял о венчании на Крещенье в новом Успенском соборе, отстроенном по плану государя Ивана венецианцем Аристотелем – за четыре года – как раз за год до «стояния на Угре», и освещенном 12 августа 1479 года митрополитом Геронтием с епископами...

На глазах пекшегося о главном московском соборе Геронтия, когда тот уже сменил в Москве первосвятителя Филиппа, и рухнул старый Успенский храм, сложенный уже до сводов. Аристотелем, нашедшим новую глину за Андроньевым монастырем, выкопавшим новые рвы, заложившим новый храм Успения, был выстроен, наконец, чудесный собор. Он поражал воображение Ивана Младого от основания до куполов, чудесным месторасположением, редкостной гармоничностью и соразмерностью форм, а также величиим архитектурного плана, его воплощения.

В этом новом грандиозном величественном Успенском соборе, главном храме Руси святой, Ивану Младому первым из Великих князей предстояло венчаться браком в праздник Крещения. И мысли об этом венчании не давали покоя Ивану. Всё тут перемешалось. И рухнувший старый храм, и возрождение его, и четырёхлетнее строительство, и даже скандальное освящение собора, когда был дан повод для конфликта между духовной и государственной властью во время крестного хода; а тут ещё ханский подарок, с подтекстом покаяния перед Господом-отцом и Господом-сыном, смотрины между Рождеством и Крещением, венчание на Крещение.

Уж что-что, а централизация и усиление власти его отца-государя, укрепление государства перед избавлением от татарского ига, успеха Москвы во внутренних делах и внешних сношениях с иноземными странами должны были неизбежно сказаться на взаимоотношениях государя с православной церковью и её первосвятителем митрополитом. И Иван Младой оказался свидетелем столкновения светской власти государя и духовной власти митрополита. Это зрело подспудно, тлело без дыма и тем более пожара конфликтного, но когда-нибудь это должно прорваться. И прорвалось при освящении Успенского собора, где дано было служить Алексею-«Аврааму», новгородскому источнику государя, вызванному им в Москву сразу после падения града Святой Софии...

Иван Младой вспомнил, как при обряде крестного хода в освящении новой и главной русской святыни – Успенского собора отец позволил себе сделать резкое недвусмысленное замечание митрополиту Геронтию. По мнению государя, заносчивый Геронтий совершил трудно объяснимую ошибку, поведши крестный ход против солнца. Недовольство вслух государя было

даже кем-то из бояр и духовных поддержано, мол, уже раз обрушивался собор, потом свыше четырёх лет строился, и вот, считай, что снова обрушил своды нерадивый первосвященник, не в ту сторону поведший крестный ход.

Когда митрополит отказался подчиниться возмущенному государю, уверенному в своей правоте, отец в неопишемом гневе запретил Геронтию освящать вновь построенные церкви в русских землях. На лицо отца тогда страшно было смотреть, – Иван Младой живо вспомнил всё в мельчайших подробностях. Возмущенный публичным вмешательством светского государя в сугубо церковные дела, после того, как их конфликт при освящении собора приобрел широкую огласку, митрополит удалился в монастырь.

В начавшемся богословском споре по поводу правильности или ошибочности обряда крестного хода государя поддержали его духовник, ростовский архиепископ Вассиан Рыло и, совершенно неожиданно, архимандрит кремлевского Чудова монастыря Геннадий Гонзов. К удивлению Ивана Младого мудрый духовник, преподобный Вассиан не мог привести никаких письменных свидетельств в пользу своей правоты и ссылался лишь на древний обычай. Ещё страннее высказался Геннадий: «Пусть митрополит докажет, что древний обычай неверен, а не наоборот, нам нужно доказывать верность этого обычая...» Уже тогда Ивана Младого поразила плохо скрываемая ненависть Геннадия к митрополиту и желание приблизиться к государю, влиять на него.

Наконец, митрополит, подумав, отказался критиковать старинный русский обычай, куда его хитроумно подталкивал Геннадий, и сделал упор на следование греческому образцу обряда крестного хода. «А чем же отличается этот греческий образец, если русский обычай того же обряда просто скопирован с него?» – взвился Геннадий и заслужил многочисленные одобрительные голоса духовных и бояр.

Тогда митрополит, как спрятанную в рукаве крупный, всех побивающий козырь, выдвинул на авансцену богословского диспута своего сторонника, игумена, только что совершившего паломничество в Грецию на святую гору Афон. Инок презрительно посмотрел в глаза Геннадия и сказал: «На Святой горе Афона своими глазами видел, что так же, как митрополит Геронтий освящали церковь, и со кресты против солнца ходили...». Геннадий возмутился: «Может, ты всё перепутал в Греции...» Инок брезгливо бросил через плечо: «Поезжай в Афон, на святую гору – сам убедишься...» Конечно, чтобы разрешить раз и навсегда возникший конфликт, Геннадию надо бы крикнуть: «Поеду – чтобы лично убедиться!», но он промолчал, признавая, если не своё поражение, то свою упущенную победу...

Иван Младой вспомнил в мельчайших подробностях многое другое, следовавшее за богословским диспутом. Когда Геронтий удалился в монастырь, отец советовался со своим духовником Вассианом: «Как быть? Ты же говорил, что митрополит не прав... Чего же ты не встрял, когда тот инок выполз со своим Святым Афоном? И Геннадий тоже оплошал, не накинул вовремя платок на чужой роток». Преподобный Вассиан смутился: «Так ведь в Грецию нужно было подаваться... Может, наши предки, может, их всё перепутали... Теперь уж и не разберёшь...»

В конце концов он посоветовал государю отправиться в монастырь на поклон к митрополиту. «Я лучше тебя на митрополичий престол поставлю» – артачился государь. Вассиан тихо препирался: «Стар я уже, государь великий, чтоб подсаживать меня, грешного, на престол, песок посыплется...»

Как будто в воду глядел преподобный Вассиан: сил его хватило только на «укрепительную грамоту» государю на Угру, и за это спасибо – думал Иван Младой, вспомнив тихую незаметную смерть ростовского архиепископа всего через полгода после победного для их с государем «стояния на Угре». А до этого Угранского противостояния с ханом Ахматом отец, действительно, пошел на поклон к упершемуся Геронтию в монастырь и публично пообещал

положиться на волю митрополита относительно обрядового хождения с крестами при освящении церквей.

Вспомнил Иван Младой и бурную реакцию своей мачехи, царевны Софьи, когда во дворце узнали, что возвысившийся над государем митрополит Геронтий подверг наказанию государева сторонника в богословском споре, заключив Геннадия в ледяной камере. Римлянка Софья словно ждала этого мига, она почуяла своим острым нюхом в поверженном Геннадии своего сторонника, скрытого униата, стоящего ближе к латинянам, чем к грекам. Ведь с униатами и тем более с откровенными латинянами в русской ортодоксальной церкви было туго. Самыми влиятельными лицами при дворе Софьи были братья Юрий и Дмитрий Трахнюты, с которыми она прибыла в Москву, а римлянка срочно и настойчиво искала опору среди епископов православных. Не находила такой опоры – и вдруг Геннадий, посаженный в ледник...

Иван Младой знал, что своим освобождением из ледника опальный архимандрит Чудова монастыря обязан гораздо больше Софье, чем государю. Именно Софья прожужжала все уши отцу о жестоком обращении с Геннадием и самоуправстве митрополита. И государь приказал выпустить его из заточения. В Москве Геннадию оставаться было уже невозможно. И тут Иван Младой воочию удивился немислимым интриганским способностям своей мачехи.

Римлянка не стеснясь своего пасынка, в открытую стала «двигать» опального Геннадия в новгородские архиепископы. «Геннадий верный тебе человек, вспомни, кто тебя поддержал в богословском диспуте? Вассиан выступил за тебя, а при углублении спора стушевался и отошел, а Геннадий стоял до упора... К тому же пострадал, единственный из всех, за государя...» Отец слабо возражал: «Не зацепится Геннадий за архиепископскую кафедру в Новгороде. Там сильны сторонники прежнего архиепископа Феофила. Сожрут святые отцы твоего Геннадия с потрохами...» Софья настаивала: «Если ты ему поможешь, легонько подсадишь на архиепископскую кафедру, он дальше сам ручками и ножками себе поможет... Пробивной и напористый он... Станет тебе верной опорой в Святой Софии...»

«Вот откуда мрачные мысли о покаянии Святой Софии после ханского подарка. Не только причина тому смута новгородская... Не только измена Феофила... Не только тайный источник Алексей-«Авраам», которого отцу надо было срочно переводить в Москву после свержения архиепископа Феофила и его ухода в монастырь...» – размышлял Иван Младой перед Крещением о временах богословского диспута и назначения Геннадия новгородским архиепископом.

Тогда же Иван Младой впервые услышал новое для себя слово «симония», означавшее продажу и покупку церковных должностей или духовного сана. Мачеха Софья открыто говорила, что такое издревле практиковалось и у греков в Византии, и у латинян в Италии, а в их время поголовно под патронажем папы. Государь морщился, когда мачеха Ивана Младого просвещала, как несмышлёныша, государя: «В Москве тоже процветает продажа церковных должностей... Место уж больно денежное, хлебное...»

Иван Младой с улыбкой переспросил мачеху: «И духовного сана архиепископа, митрополита тоже?» Та смутилась при этом дерзком вопросе, вспыхнула... Потом она неоднократно жаловалась отцу на дерзость и даже грубость пасынка. Отец умиротворенно басил: «Ты уж с ней полегче как-нибудь...» Он возражал: «Ты же видел, на твоих глазах я невинный вопрос задал насчёт симонии применительно к епископам и митрополиту... Ходят же такие слухи по Москве, будто за новгородское место и должность архиепископа Геннадий при восхождении на кафедру, куда ты его посадил, затратил на приобретение выгодного места около двух тысяч рублей... Сумма ведь неслыханно большая... Вот я и хотел задать вопрос тебе, отцу, да и мачехе тоже – куда и кому платил Геннадий?.. Может, и мачехе чего обломилось?..» Ничего не ответил тогда отец, только помрачнел чернее тучи. Откуда ему было знать, что Геронтий ещё раз взбрыкнёт, будет проситься в отставку по новой, когда еретики объявятся и латиняне

голову подымут. А тут ещё вдобавок крупная непотопляемая «ересь» объявится вместе с прибывшим в Успенский собор из Новгорода источником Алексеем-«Авраамом». В Церковной жизни всё ту же и ту же затягивался узелок непреодолимых противоречий, – и обличителем новой ереси станет не совсем чистый на руку лукавый Геннадий, подыгрывающий и нашим, и вашим.

Иван Младой ради интереса спросил у духовника своей невесты Алексея-«Авраама» перед самым венчанием на Крещенье:

– Как же надо правильно проводить обряд крестного хода при освящении церкви: против солнца или по солнцу?

Тот сказал без обиняков:

– Надо делать так, как учил пророк Моисей...

– А как он учил?

Протоирей Успенского собора знал о старом конфликте государя и митрополита и сказал – уклончивей не придумаешь:

– Греки в Афоне на Святой горе правы по-своему, а государь прав по своему... У молодой христианской религии мудрость велика, но и её хватило только на то, чтобы разделить её приверженцев на сторонников греческой и латинской веры... А иудейская религия, вышедшая из десяти заповедей на скрижалях Моисей, Торы и Старого завета была незыблемой, пока её не расшатали тоже сектанты... Обновить надо православие мудростью Моисеевой... Тогда и Христово слово воссияет по новому в нашей ортодоксальной вере назло латинским корыстолюбцам и лукавцам... Я скоро приглашу тебя, Великий князь на богословские диспуты о вере с Геннадием Новгородским, и ты многое поймёшь и для себя откроешь...

Только удивился жених Иван Младой – надо же какого мудреного духовника выбрала его невеста Елена, в которую он влюбился с первого взгляда.

– Праздник Крещения случайно выбран для нашего венчания с Еленой? – кротко спросил Алексея Иван Младой.

Тот не удивился вопросу, посмотрел пристально на Ивана и сказал спокойно, даже ласково:

– Не случайно... – После глубокой многозначительной паузы Алексей, углубившись в какие-то свои мысли, прояснил. – Божья доля или благо для человека подаётся как некая благодатная сила... Только уровень восприятия силы Божьей зависит от того, насколько достойно, благоговейно человек вступает в таинство, в то же грядущее таинство Крещения в сознательном возрасте или венчания, намеченного на праздник Крещения... Только глубоко несчастные люди, не зная тайного смысла «Божьей доли», действия Благодати принимают её с чувством неверия, внутренней насмешки, лукавства... Но искренняя вера, чистота сердца и чистота влюбленного сердца делают то же таинства Крещения действенным...

– Но я уже крещен... – возразил мягко Иван. – Ты намекаешь, что венчание в праздник крещения сродни самому Крещению в зрелом возрасте... Я уже догадываюсь, что в ханском свадебном подарке заключен тайный смысл евхаристии... А теперь ты и не отнекиваешься, что венчание не случайно приурочено к празднику Крещения... И даже не случайно даже то, что невеста прибыла в Москву к Рождеству Христа, а смотрины проводятся в промежутке между Рождеством и Крещением...

– Так угодно Господу... – не меняя тембра голоса, отвечал Алексей. – Ты же любишь Елену – не так ли?..

– Да... – еле слышно признался Иван. – Очень...

– Она тоже любит тебя... Она об этом никому ещё не говорила, но поверь мне – это так... Вы с Еленой, действительно, оба крещеные... Крещение даёт вам защиту Господа и православной церкви... Но праздник Крещения будет ознаменован таинством брака, освященным

церковью. Вспомни, брак установлен самим Богом ещё в раю после сотворения им Адама и Евы... И благословил их Бог, и сказал им: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею». В этом благословении Божиим, подаваемом вступающим в брак через церковь, особенно в главном православном храме Руси – к тому же вы с Еленой первые венчаемые князь и княгиня – в этом заключается особый смысл таинства брака... И на вас во время венчания первыми и впервые в Успенском храме новой Руси обязана снизойти особая Благодать Божия, которая сделает ваш семейный союз подобием духовного союза Христа и Церкви. Вспомни слова из евангелие от Матфея: «Посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью, так, что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человека да не разлучает».

Иван Младой слушал эти елейные слова пастыря, но его не покидало чувство тревоги, которое впервые возникло в душе после мыслей о ханском свадебном подарке. Словно он анализировал какой-то странный, наполовину божественный, наполовину дьявольский брак, где будет место и таинствам, и очистительным ритуалам, и неведомым, оттого пугающим искупительным жертвам... У него даже родилась мысль, что кто-то, великий и мудрый, и одновременно лукавый затеял акт зарождения любви, новой жизни как плода любви, в новой вере, в новом самовластии...

Но ведь всё началось с несправедных лукавых деяния, когда сватовство совпало по времени с лукавством Мамона, предложившим русскому государю из нынешней православной столицы пограбить и сжечь старую православную столицу. К тому же оттуда, из ограбленной святыни – киевской Святой Софии – прислать ритуально дискос и потир к таинству евхаристии, сопряженному к тому же для Ивана Младого и Елены Волошанки с таинствами брака и крещения...

– Ты, святой отец, начал говорить о таинстве крещения, а потом перескочил на таинство брака... Я никак не могу разобраться... – Иван уже говорил с внутренним надрывом. – Никак не могу связать смысл подарка из Киева с неслучайным венчанием на праздник Крещения

Алексей только пожал плечами, давая понять, неужели ты не видишь того, что при желании можно увидеть и поразиться.

– В праздник Крещения не вас с Еленой будут крестить... Вы уже, слава Богу, уже крещеные. Крестить будут вашу новорожденную любовь, сам брак... Разве не красиво, что в праздник Крещения будет символически осуществлено самое таинство брака, совершаемое над душами влюбленных верующих... Праздник Крещения – это начало и источник благодатных даров, та дверь, через которую человек с влюбленной душой имеет возможность войти в Царство Небесное. Ты и невеста уже крещеные, но вы благословляете на рождение новой человеческой души через любовь и таинство брака... Помнишь?.. «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Божие».

Алексей замолчал, а Иван Младой попробовал переложить таинство крещения для младенца, к которому он и Елена приобщились сразу после своего рождения от православных государя и господаря, на таинство крещения их любви, их брака, их будущего сына...

«Что же получается?... В праздник Крещения суть двойного таинства крещения и брака заключается в новом рождении человеческой души влюбленных... Когда душа освящается, очищается, умирает для греха и воскресает для благодатной жизни во Христе. Самим фактом крещения влюбленному человеку, вступающему в брак, тем более в праздник Крещения, прощаются все его грехи: и первородный, и личные, накопленные в его земной жизни. Может, и лукавство простится, такое, как участие в дьявольском плане грабить и жечь православный Киев руками нехристей татар-крымчаков, в тайном договоре с иудеями, связавших по рукам и ногам своими тайными ритуалами Великих князей и хана? В таинстве крещения каждому человеку даётся личный ангел-хранитель, который в дальнейшем становится его защитником и путеводителем. Вдруг в праздник Крещения их любви и браку также будет дан слитый воедино

третий ангел-хранитель, который в их дальнейшей жизни будет защитником и путеводителем их любви долголетней... Или так не бывает – ангел-хранитель вечной любви?.. Что-то пугает меня – но что?.. Ах, вот что... Ведь крещение не может быть повторяемо... как телом человек рождается только один раз, так и рождение для духовной жизни, той же человеческой любви происходит только однажды, и действенность таинства сохраняется на всю жизнь человека...»

И вдруг Ивана пронзила острейшая мысль: «Ведь кто-то хочет подчеркнуть выбором венчания их с Еленой факт второго крещения. Мол, действенность первого таинства крещения отменяется – начинается новая стезя в браке, в жизни, в вере, словно человек отпал от Церкви, а воссоединение по новой происходит по новым правилам, с новыми «символом Духа», «новой печатью Духа святого»... Господи, что бы это значило?.. Как будто от избытка божественной благодати, от излишества блага, как благородная отрыжка после переедания рождается благородная отрыжка лукавства и ереси...»

И было самое первое в истории Руси великокняжеское венчание в новом Успенском соборе в середине января 1483 года, на праздник Крещения...

Это был третий удивительный факт в истории московского Успенского собора после первого – обрушения сводов, второго – конфликта властителей, светского и духовного при освящении собора в полярных оценках обряда крестного хода...

А куда же идти воистину Руси святой в любви священной – по солнцу веры или против солнца?..

Перед самым венчанием сына государь по его совету послал гонца к хану Менгли-Гирею, где изъявил глубокую благодарность тому за верность союзу с пожеланием и впредь ревностно исполнять условия их долговременного союза. Ни слова укора в кратковременной измене, ни словечка благодарности за ханский подарок к свадьбе сына, золотые дискос и потир, придуманный иудейскими мудрецами со скрытым покаянным смыслом, но зато напоминал сурово хану русский государь о своих государевых издержках:

«...Я со своей стороны не упускаю ни единого случая делать тебе угодное: содержу твоих братьев для казны моей... Нордоулата и Айдара, с немалым убытком для казны моей...»

5. Интрига с «византийским приданым»

Вдовец Михаил Борисович Тверской был ещё молод, ему ещё не было сорока лет, после которых большинство русских князей уже теряет жизненный кураж и уже вяло ищет перемен в судьбе, будь то княжеский престол, новая любовь или бешеное богатство. К тому же князь Михаил был вдобавок отважен, умён и проницателен, он ясно видел, что рано или поздно Москва либо поглотит незаметным действием тверские земли либо вооруженной силой отымет у него Тверь. С этой тревожной мыслью он ложился спать и с нею же, ещё более больной и мучительной, просыпался...

Откуда у него, мудрого и хитрого князя Михаила Тверского возникло предощущения угрозы от великих князей московских Иванов, государя и сына-соправителя?.. Окруженная со всех сторон московскими владениями Тверь, как крохотный независимый остров, давно омывался водами моря новой русской государственности, и от прихоти московского государя зависело его решение затоплять этот островок феодальной независимости или почему-то не затоплять.

А явную угрозу из Москвы Михаил прочувствовал ещё во время походов государя на мятежный Новгород. Если бы Михаил уклонился от этих походов, Тверь после разгрома Новгорода смяли тут же. Но он был вынужден дать тверские полки для усиления московского объединенного войска. Когда же Михаил попросил за участие в походе на град Святой Софии присоединения новгородских владений к своему тверскому княжеству, государь сделал вид, что не понимает даже сути просьбы своего родича...

Поглядел сквозь князя Михаила, как на пустое место, только бросил небрежно, с еле скрываемой издёвкой:

– Зачем тебе это?..

– Как зачем?.. – горячился остроголовый, немного шепелявый в мать Михаил. – Ты же не можешь упрекнуть меня в нарушении союзнических обязательств... Но есть ведь и другая сторона взаимоотношений Твери и Москвы... Мы ведь не только союзники... Вспомни, без помощи моего батюшки Бориса твоему отцу Василию ты бы никогда не стал тем, кем стал ныне...

– А-а... – насмешливо протянул государь. – Я действительно запомнил о крепости семейных уз. – И уже совсем дерзко и нелюбезно напомнил. – От дальнего родства с тобой не отказываюсь, мой второй брак тому не помеха, да и второй брак твоего отца тоже... Только напоминаю тебе, что твой родитель князь Борис Александрович, сначала ослепитель Василий Темного, а потом его верный союзник получил от Москвы всё сполна при своей жизни... А что будет с его наследниками, никому даже на небесах не ясно... К чему это я говорю, князь Михаил?.. Попробуй изложить свою просьбу моему соправителю, великому князю Ивану, твоему сводному племяннику... Как никак в вас течёт одна кровь – тверская... Авось, поможет сын-соправитель Твери и родичу, тверскому князю...

Михаил тогда в бешенстве уехал из Москвы, не стал разговаривать с родичем «с тверской кровью», великим князем Иваном Младым, поскольку всё зависело от воли отца-государя. Недаром жребий Твери князь Михаил связывал давно со жребием Новгорода, что давно в сторону Литвы глядит... От того, насколько умело можно было противиться Москве и разыгрывать литовскую карту, зависела судьба княжения Михаила Тверского. Он считал, что Новгород в своём противостоянии слабо, беззубо противился Москве, и совсем бесхитростно, без семейных и военных союзов, разыгрывал литовскую карту. Непокорный дух старых тверских князей, ярых соперников Москвы, переплетшихся родовыми узами с Литвой, взывал, и Михаил просто обязан был сделать и то, и другое значительно лучше и лукавей...

«Перелукавлю государя московского и короля литовского, а там будь, что будет» – купался в бурном холодном потоке злых мятежных мыслей тщеславный Михаил.

Тогда, в самом начале 1480-х годов, в Московском государстве, чудесным образом избавившемся от ига Орды, всего-то было два независимых княжества, небольших непотопляемых островков относительной свободы – Тверское и Верейское. Сведая о тайном желании государя Ивана скоро непременно покончить и с тверской вольницей, князю Михаилу ничего не оставалось, как попытаться снестись с верейскими и белозерскими родственниками, дядей Михаилом Верейским и сводным двоюродным братом Василием Удалым, а заодно и с литовским королём Казимиром.

Перетягивать на сторону Твери престарелого дядю Михаила Верейского, к тому же испытанного временем, самого авторитетного и верного союзника Москвы и государя было абсолютно бессмысленным делом. Другое дело его тщеславный, амбициозный сын, Василий Удалой, сводный двоюродный брат Михаила Тверского: Василий за свои военные успехи, храбрость и весёлый нрав ходил в любимцах у великих князей Иванов. Надеяться на смелого вспыльчивого Василия Удалого?.. Какие-то призрачные хрупкие надежды...

Однако именно на смелого, отчаянного Василия Удалого, как на самого яркого и перспективного молодого князя, к тому же сына последнего, знаменитого удельного князя обратила своё внимание великая княгиня Софья. У римлянки были свои виды и планы на Василия Удалого в долговременных «византийских интригах» московского двора; ведь Удалой был самым близким другом великого князя Ивана Младого, единственного соперника её сына Василия на московский престол, случись что-нибудь с её супругом-государём.

Великая княгиня специально выписала из Италии свою племянницу Марию, дочь старшего своего брата Андрея Палеолога и выдала её замуж за Василия Удалого. Всё это было сделано с ведома государя под предлогом укрепления Москвы и её международного авторитета, когда русские князья снова, как во времена Владимира Святого и Владимира Мономаха, породнились с древней византийской императорской династией.

Великая княгиня Софья кроме главной цели своей жизни – увидеть на троне своего сына-первенца Василия, лелеяла и другие мечты. Ею была великолепно просчитана интрига завидного обогащения своего старшего брата Андрея. Тот обладал наследственными правами на византийский престол и предлагал продать – и желательно подороже! – свои династические права тем, кто не поспеет. Сначала государь зажегся стать именитым покупателем «прав на Византию» у брата своей венценосной супруги, но вскоре правильно рассудил, что овчинка не стоит выделки.

Однако великая интриганка Софья пыталась сподобить своего супруга на другое опасное дело: династические права у брата Андрея можно было и не покупать, а обменять их на какие-нибудь русские земли. Как старший член византийской императорской семьи, шурина государя Андрей Палеолог мог бы через свою сестру, великую княгиню Московскую, рассчитывать получить самые лучшие и обширные владения в Русском государстве.

Потому и был так нужен «римлянке» новый династический семейный союз её племянницы Марии Палеолог с князем Василием Михайловичем Удалым, сыном самого верного сподвижника государя Михаила Верейского и Белозерского, последнего удельного князя Руси.

Этот брачный союз мог помочь всем Палеологам. И венценосному греку Андрею, который всегда нуждался в деньгах, тоже помочь, и его сестре Софье в грядущей борьбе с боярской думой, не желавшей усиливать позиции при дворе римлянки с претендентом на престол малолетним сыном Василием и отдающей предпочтение законной «тверской» династической ветви Ивана Младого...

Михаил Тверской был на той пышной свадьбе своего двоюродного брата Василия Удалого с Марией Палеолог и с удивлением обратил внимание на знакомое драгоценное украше-

ние у византийской невесты – «сажень», женское убранство, усаженное дорогими камнями и унизанное жемчугом. Он даже расспросил невесту и жениха, откуда у невесты такая редкостная по красоте вещь. Те с удовольствием удовлетворили любопытство знатного гостя, тверского князя, тоже прибывшего на свадьбу не с пустыми руками – «это приданое невесты».

Михаил Тверской узнал сразу это знаменитое «сажень»: его носила в замужестве за государем его сестра Мария Тверская, и он никак не вспомнить, кто подарил его сводной сестре – свёкор Василий Тёмный или муж Иван, или всё же его отец Борис Тверской? От своего дяди, князя Михаила Верейского он во всех подробностях слышал историю свадьбы Василия Тёмного и Марии Ярославны, когда мать Василия Тёмного, Софья Витовтовна, сорвала пояс с одного из гостей, Василия Косого, поскольку тот пояс принадлежал московской династии, и был подарен Дмитрием Донским своей супруге.

История с драгоценными «краденными» подарками повторялась, с той только разницей, что «незаконное приданое» византийской невесты было получено не от её отца Андрея, а от тётки Софьи...

И тогда при всех гостях Михаил Тверской стукнул себя по лбу, и неприлично громко рассмеялся: он вспомнил – это «сажень» было приданым его сводной сестры Марии и подарено, конечно, было ей от тверской династии батюшкой Борисом Александровичем! Выходит, царевна Софья проворовалась, и свою несчастную племянницу, невесту Михаила Удалого обрекла на позор скорый!

Михаил Тверской от изумления и наглости римлянки чуть при всех не потерял сознание. Своим падением на свадьбе он никого бы не удивил, после медов и вин не такое бывало, но он всех убил бы, раскрой он рот и расскажи историю «тверского» приданого, которое здесь царственные, но обедневшие греки выдают «за византийское». Это был бы скандал на всю Москву и всю Европу!.. Вот она суть византийских голодранцев – бедны, как крысы, а гонору полные штаны: правами на завоеванную турками землю торгуют...

У Михаила Тверского разболелась голова от мыслей непутёвых – нужен ему скандал или нечто другое: получить в союзники всю византийскую семейку с потрохами и вертеть ею, как хочется. Князь Михаил отодвигал предлагаемые ему меда и вина, лихорадочно просчитывая возможности того или иного разворота событий. Не прельщали тверского князя лавры великой княгини Софьи Витовтовны, сорвавшей пояс с сына Юрия Звенигородского, Василия Косого, только озлобила князей галичских и усугубила кризис престола, следствием которого стало превращение её сына Василия из «Великого» в «Тёмного».

«Но в конце этого времени смуты и войн батюшка Борис сначала помолвил, а потом и обвенчал свою малолетнюю дочку Марию с нынешним государем в его таком же юном возрасте... – размышлял Михаил Тверской. – И вот какое жалкое повторение истории с краденными драгоценностями... Ведь это какая-то тёмная судьба зависла над династическими браками московских князей и самого близкого их окружения... Какая-то мстительная рука играет свои страшные и нелепые игры... Может, так моя сестра Мария мстит второй жене государя-мужа, что обрекла на воровство Софью, превратив царевну византийскую в воровку подлую... Ведь что угодно можно говорить в её оправдание, мол, согласно византийским обычаям, византийские императрицы и их наследницы, держат свою личную канцелярию, могут распоряжаться своими драгоценностями, которые есть у неё от своих родителей, от мужа тоже...».

И тут Михаил Тверской снова хлопнул себя кулаком по лбу, взвился от одной только шальной пугающей мысли:

«Насколько безнравственно и просто недостойно, просто низко поступила опытная интриганка, римлянка, как она подставила, опозорила своего государя-мужа, выдавая «тверское» приданое за «византийское». Даже если государь Иван разрешил после смерти своей первой жены Марии носить её «тверское» приданое второй жене, предположим, на радостях рождения её первенца Василия... То как эта царевна осмелилась выдавать ожерелье тверской

законной династии, ведь есть же и Иван Младой, за свой щедрое византийское приданое облапошенному пылкому Василию Удалому с его несчастным отцом Михаилом Верейским?.. А что если использовать подлог, нет, воровство великой княгини в своих целях?.. Не исключено, что ни разу и не носила это саженье сама Софья... Может, и не разрешал ей считать «своим» тверскую драгоценность государя?.. И что тогда?.. Как это понравится Василию Удалому?.. Ведь можно и Ивана Молодого и самого государя обернуть против Софьи... Или Софью использовать в своих целях против государя?.. Столько вариантов – даже глаза разбегаются... Хорошо, что на свадьбе нет Ивана Младого с государем, ведь при них Софья не посмела бы выдавать «тверское» приданое за «византийское»

Поглощенный тогда своими мыслями Михаил Тверской даже не заметил, как кто-то легонько тронул его за плечо, он обернулся и увидел улыбающегося добродушной улыбкой Григория Мамона, хотя в его глазах тлели злые мстительные угольки.

– Так чем тебе, князь, византийское приданое не любо?.. – спросил Мамон с насмешкой и моментально стёр обходительную улыбку с лица. – Нехорошо как-то выходит, князь, с подарком великой княгини...

У Михаила при упоминании о «нехорошем подарке великой княгини» немного помутилось в глазах: он-то думал, что является единственным свидетелем позора римлянки, оказывается, нет...

Стараясь как можно чётче выговаривать тяжело дающиеся слова, несколько надменно переспросил старика Мамона в слабой надежде, что тот имеет в виду что-то иное, связанное с драгоценным саженьем царевны и её племянницы:

– Что ты имеешь в виду, Григорий Андреевич?.. Приданое – как приданое... Почему оно мне должно быть не любо?..

Мамон неожиданно поглядел в упор, прямо в глаза князя Михаила, и гневно прошипел с нарастающей яростью шипящего шепота:

– Я верой-правдой служил государю моему... Головы своей не жалел и всегда буду служить ему до смерти верой-правдой... Не всё я тебе скажу, и не всё тебе надо знать, князь, но через жизнь и смерть Марии Тверской, твоей сводной сестры, мы с государем одной ниточкой таинственной повязаны... Прямо-таки мистика...

– Я не совсем тебя понимаю, Григорий Андреевич... О чём ты? – мягким, вялым, лишенным силы жизни и сопротивления голосом, промямлил Михаил Тверской.

Тот пожевал немного губами, сожалея, что, возможно, шепот, а не предаваемый смысл слов, стал причиной непонимания князя. Негромко, растягивая слова, по примеру князя, стал говорить:

– ...Смерть твоей сводной сестры происходила на моих глазах... Она её, смерти, не противилась... Знала, что подарила государю, да и всем нам, русским, своего сына Ивана Младого... Даром что ли он, а не отец стал истинным победителем татар и хана Ахмата, выполнив наказ матери?.. Она выполнила свое истинное предназначение матери, подарив нам не только будущего наследника престола, к тому же победителя татар, она вложила в него гораздо больше, чем мы все можем осознать... Мария, словно устранилась от борьбы за собственную жизнь, и я тому свидетель, ради блага сына и мужа-государя, надеясь, что это благо или «Божья доля» станет «княжьей долей» сына и мужа... Ради высших государственных целей и устремлений был затеян второй брак государя и царственной римлянки... Поверь на слово, поскольку я стоял у первопричин и целей этого династического союза...

Мамон внимательным взглядом окинул Михаила Тверского, как бы давая тому время на то, чтобы осознать и ответить, понимает или не понимает тот, о чём говорит боярин. Когда князь Михаил еле заметно кивнул головой, Мамон продолжил:

– Так вот, всегда служил государю верой-правдой... Так уж получилось, что много приходилось лукавить, чтобы утверждать государев порядок... Не будь этого, до сих пор Москва

с Новгородом бодалась бы – у кого рога крепче, и дань Ахмату отваливала... Не в этом дело... Покойный мой батюшка Андрей Дмитриевич завещал мне среди прочих своих нажитых богатств одно умственное развлечение, уже перед самой смертью напутствовал: «Почаще думай, почему Господь допускает существование зла? Не торопись с ответом в юности и зрелости, но под старость, на полшага от гробовой доски всё же определись, хотя бы приблизиться к ответу. Только тогда сможешь найти хоть какое-то оправдание своему собственному лукавству прочим тайным и явным грехам, правящими твоей судьбой что до покаяния, что после». Вот... От умных людей, между прочим, иудеев кафских, Хозяя Кокосы, Захария, Хануша, Иосифа Шмойло, тайного советника Моисея, которые вместе со мной помогли государю наладить и укрепить стратегический долговременный союз хана Менгли-Гирея с государем Иваном, я познакомился с одним тайным учением «Зохар»... Умному православному русскому не стоит бояться мудрости, помогающей приблизиться к разрешению загадки добра и зла... Знамо дело, что все мы вместе с государем, строителем могучего государства во всех его ипостасях стоим на началах добра... Только его сути никогда не поймёшь без сравнения его со злом, без противопоставления добра и зла... Не мудрёно?.. Чувствую знаешь, куда я клоню... Всё равно будет, в конце концов, сравнение и противопоставление вашего «тверского приданого Марии» и «византийского приданого Софьи» тоже, как ни странно, для Марии, только Марии Палеолог... Так вот, согласно иудейскому каббалистическому учению «Зохар», Господь допускает зло, чтобы покарать нечестивых и испытать меру нашей решимости вернуться к Древу Вечной Жизни. Чтобы показать, как Он использует злое побуждение для нашего посвящения в «Зохаре» приводится аллегорическая история о царевиче, которого отец подвергает испытаниям. Царь приказывает своему единственному сыну не общаться с порочной женщиной. Из любви к отцу сын подчиняется его воле. Однажды отец решает испытать сына. Он велит красивой обольстительнице соблазнить сына-наследника. Если сын достоин и послушен приказам отца, то он должен оттолкнуть её и прогнать прочь. Тогда царь возрадуется, пригласит своего сына в потайную комнату и наделит его дарами, и окажет ему великие почести. «Кто же приведёт сына к этой славе?» – спрашивается в «Зохаре». И даётся мудрый и странный совет: «Блудница, несомненно!.. Её нужно восхвалять на каждом шагу... потому что, благодаря ей, царевич снискал все эти дары и глубокую любовь царя».

– ...Царевич – это великий князь Иван Младой, а блудница – царевна Софья?.. – спросил с ужасом в голосе Михаил Тверской.

– И царь – государь Иван, отец сына от Марии Тверской и супруг своей второй жены Софьи-блудницы... Разве не блуд – войти в семью царя, чтобы оскорбить память о Марии Тверской, выдав «тверское» приданое за «византийское»... – Мамон презрительно хмыкнул. – После этого я уже не удивлюсь возникновению кровосмесительной связи мачехи с пасынком с лукавой целью низвергнуть царевича с престола и посадить своего единокровного сына Василия...

– Да, это саженье – подарок батюшки Бориса сестре Марии, наше «тверское» приданое, которое досталось невесте Михаила Удалого, как «византийское» приданое от греческой блудницы, тётки... – с тихим ужасом выговорил Михаил Тверской. – Что же будет теперь?..

– Сейчас только мы с тобой знаем о воровстве римлянки... Недаром, что на Руси, что в Италии, что в Иудее воровство именуется блудом. Я не советую тебе торопиться, ведь ни государь, ни Иван Младой, ни Михаил Верейский, ни Михаил Удалой не знают об этом блуде римлянке... Скажу, как на духу, я сам не знаю, что будет и чему быть по воле господней или по дьявольской воле... Если б ты, князь, только знал, как мне хочется, чтобы мы с тобой вскоре оказались в Литве и поговорили на эту тему добра и зла...

– ...с королём Казимиром?..

– ...И с королем Казимиром, в том числе... Но лучше начать разговоры с твоим дядюшкой Михаилом Андреевичем Верейским... Не сейчас... Когда всё немного успокоится... Совет

– не совет, а размышления, что и как делать, как выходить из положения... Наконец, как государя известить... С пользой и выгодой для себя...

– Знаю, что из этого может выйти... – князь Михаил задумался. – ...Одни неприятности для меня и Твери... У меня сейчас одни мысли, как Тверское княжество от поглощения Москвой сохранить... Память сестры Марии, конечно, обязывает... Знаю...

– Ничего ты, князь, не знаешь... Вот какой выход подсказали мне мудрствования «Зохара» и мои собственные мудрствования...

– ...Интересно, какие?.. Они и мне помогут определиться, как действовать ныне, сравнивая и противопоставляя «тверское» приданое и «византийское»...

– Когда будешь испытывать искушение сойти с пути праведного и нарушить закон Бога в большом или малом, подумай о царе и блуднице, блуднице и царевиче, тем более, что царевич твой брат... двоюродный... Помни, что у Бога есть право испытывать нас и право пройти – или не выдержать – испытания... И ещё, «Зохар» использует образ мудрой змеи, символически изображая зла, мудрой и коварной змеи, которая нападает на людей, вовлекает их в грех... В греческом имени Софии, в звучании для внешнего мира, заключена мудрость, а внутренняя суть Змеи... Если б я знал, чем закончится государев план по смерти твоей сестры и его первой супруги, – мудрым змеиным подогом «тверского» приданого «византийским», то вряд ли оказался вовлеченным в эти брачные игры государевы на благо Руси... Какое же это благо, какая же это Божья доля?.. Страшной княжеской долей сына-царевича в жерновах царя и блудницы всё завершится... Помяни моё словцо, в суете сует сказанное, да правдой пахнет словцо-то, потому что зло обозначено и противопоставить ему ничего нельзя... На зло злом ответят...

– Как это злом на зло?.. Выходит, царевич, то есть Иван Младой в жерновах Зла, исходящего от блудницы Софьи и ещё большего Зла, исходящего от...

– ...не царя, не отца его, другой страшной злой силы, которая до поры-до времени будет рядиться в одежды добра, блага для всех и каждого...

– Как странно ты говоришь... У меня мороз по коже на спине продирает, аж невоготу... Что же делать, Григорий Андреевич?..

– Делай, что хочешь... Знай только одно... Что если все труды Божьи находятся на своих местах, они хороши в месте своего создания, в котором им назначено и предрешено быть, но когда они восстают и покидают свои постоянные, законные места, то становятся злом...

После свадьбы Василия Удалого и Марии Палеолог князь Михаил Тверской не видел два года ни Григория Мамона, ни Василия Удалого, ни Великого князя Ивана Младого. До него доходили слухи московские, что, если раньше Иван Младой относился к мачехе подозрительно, то теперь «не находился в большой чести у неё из-за своего плохого поведения, преднамеренной дерзости и грубости». То ли догадывался Иван Младой о воровстве блудницы римлянки, то ли что-то знал из уст Мамона, только до решительной развязки во дворце не доходило. Не до этого было в государственных делах-трудах молодого соправителя, свадебных хлопотах жениха Елены-Волошанки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.